

**Елена
ФРУМИНА-СИТНИКОВА**

г. Торонто, Канада

Посвящается моей подруге Д. Н.

1

Дина родилась в Ленинграде в нормальной советской интеллигентной семье. Папа работал в НИИ научным сотрудником, мама — врачом в поликлинике. Они любили свою работу, друг друга и город, в котором жили.

Сначала семья жила в самом центре, в коммунальной квартире на Фонтанке, а потом переехала на окраину, в отдельную двухкомнатную квартиру, которая казалась им хоромами.

Дина была счастливой, тихой и послушной девочкой. Ходила с родителями в Эрмитаж и в театр, читала хорошие книги, играла во дворе с подругами. В школе звёзд не хватало, но и двоек не получала. Была твёрдой четверошницей и верила в справедливость этого мира.

Когда ей исполнилось восемнадцать, на дворе стояли девяностые в самом своём разгаре. Некогда спокойная и разумная жизнь на глазах теряла привычные очертания.

Но юная Дина словно не замечала этого. Она была влюблена в прекрасного мальчика Алёшу, одноклассника, и он тоже был в неё влюблён. Белой ленинградской ночью, гуляя после выпускного вечера по набережной Невы, они целовались, хохотали, строили планы и обещали друг другу никогда не расставаться.

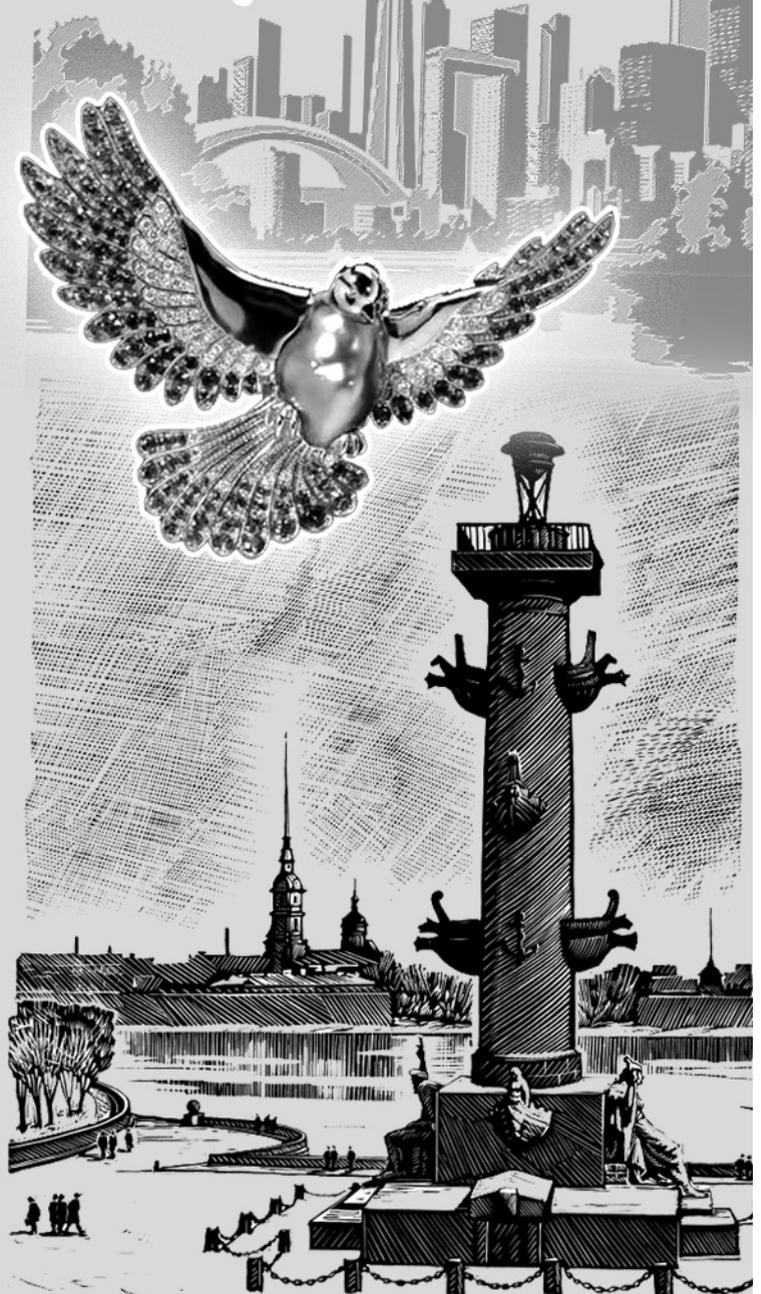
Меж тем институт, где работал Динин папа, закрылся. Мама на свою зарплату не могла прокормить семью. Папа устроился грузчиком в ближайший к их дому овощной магазин. Непривычная тяжелая работа сделала из некогда веселого человека мрачного ипохондрика, страдающего затяжной депрессией. Денег всё равно не хватало, оттого потихоньку распродавали семейную библиотеку. Перспективы были туманны и безрадостны.

В это самое время, в середине девяностых, на горизонте появился сказочный принц, а имен-

ГОЛУБКА.

повесть

*Опыт
непрожитой жизни*

но жених-иностранец. Он приехал из Канады для того, чтобы открыть в России собственный бизнес: от знакомых слышал, что здесь сейчас можно заработать сумасшедшие деньги без особых усилий. А ещё канадец задумал жениться и, опять-таки по рекомендации знакомых, решил поискать жену в России. Всем известно, что русские женщины хороши собой и неприхотливы в быту.

Россия иностранца скорее пугала, страна ему совсем не нравилась: слишком много людей, слишком много домов, слишком много непредсказуемых страстей. А местные женщины поразили его воображение. Раньше он видел таких только по телевизору, а в Москве, в Ленинграде они были повсюду, соблазнительные в своей доступности. Канадец даже пару раз встречался с такими девушками, красивыми, как модели, но после каждой встречи бумажник его худел несоразмерно полученному удовольствию.

Человек он был неглупый. Прикинул, что дама с модельными параметрами ему не потянуть, и остановил свой выбор на неброской и скромной Дине, с которой его познакомила дальняя родственница его канадских знакомых.

У Дины было несколько неоспоримых преимуществ перед более яркими соперницами. Она была очень молода, а значит, могла произвести на свет потомство. Она не была избалована, а значит, не будет требовать слишком много. И она знала несколько слов по-английски, что существенно облегчало процесс знакомства и сватовства.

Вначале Дина, у которой были на жизнь совершенно другие планы, ни за что не хотела расставаться с тем мальчиком, который ей очень нравился, с той белой ночью и поцелуями на гранитной набережной. Но мама с папой убедили её, что такой шанс — сватовство заморского принца — упускать нельзя.

«...Ну что ты, Диночка, плачешь! — говорила мама. — Будешь там жить как у Христа за пазухой. А здесь — что? Смотри, какая разруха! И перспектив никаких. Послушай нашего совета: утри слёзы и соглашайся. Поезжай, потом и нас с папой заберёшь. И мы хоть поживем на старости лет как люди».

Против таких аргументов Дина возражений

не нашла. Она была послушной девочкой и согласилась отправиться в заокеанский рай.

Сказать Алёше, что выходит замуж, Дина решила только в последний момент, в день регистрации брака с канадцем. Набрала его номер и выпалила: «Я выхожу замуж, не звони мне больше», — и тут же повесила трубку, успев услышать на другом конце провода то ли вскрик, то ли всхлип.

Свадьбу сыграли самую скромную. У родителей с деньгами было совсем туго, а жених, человек в высшей степени разумный, предпочитал не совершать лишних трат. Тем не менее сняли кафе, пригласили человек двадцать родственников. Платье взяли у двоюродной сестры, которая лет пять как вышла замуж, но уже успела развестись. Туфли пришлось купить — недорогие, но ужасно милые, с бантами и стразами. В общем, невеста была хороша и вечер в целом можно было считать удачным.

Гуляла на свадьбе и единственная подруга Дины — Ирка. Обычно веселая и бесшабашная, в этот вечер Ирка была тиха и задумчива. Произнесла тост, напоследок добавила: «...Счастливая ты, Динка! Не забывай друзей. Зови в гости. Может, и я себе там жениха отхвачу. Горько!» Губы жениха и невесты сблизились, но поцелуя как-то не получилось: муж едва прикоснулся губами к губам молодой жены — и на этом всё. Не любил он эти публичные выражения чувств, и русские традиции с непременно питьем на брудершафт с новыми родственниками он тоже не полюбил: в семье, где он рос, открыто выражать свои чувства было не принято. Так что гостям не удалось устроить шуточный подсчёт длительности страстного поцелуя и выпить с женихом, и хлопнуть его по плечу тоже удалось не многим.

Но родители и тем были довольны. Теперь их Диночка будет обеспечена и застрахована от неприятных неожиданностей, которых не избежать на родине.

Уезжать в Канаду молодожёны должны были через три дня после свадьбы.

Мама собирала Дине чемодан, стараясь положить туда всё самое необходимое, хотя что именно может дочке понадобится в чужом краю, она не очень представляла. Отобранные

вещи не умещались в чемодане, и папа время от времени повторял: «Ну зачем ты съешь ей эти шерстяные носки! Что, в Канаде носков нет? А зачем ей этот старый свитер? Что, в Канаде свитеры не продают?» Мама всхлипывала, что-то добавляла, что-то вынимала и никак не могла остановиться.

Папа на прощанье подарил Дине единственную фамильную драгоценность, хранившуюся в доме с ещё дореволюционных времён и переходящую из поколения в поколение, — старинную брошку в виде перламутровой птички с изумрудными глазами, вырезанную удивительно искусно. «Ты моя голубка, — расчувствовавшись, сказал Дине отец, — лети за счастьем. И пусть эта маленькая вещица, тоже голубка, тебя охраняет». Прозвучало это довольно выпенденно, так что папа даже смутился, он махнул рукой и отвернулся.

Прощались долго и тяжело. Родители плакали, Дина тоже. Муж тактично стоял в гостиной и смотрел в окно. За окном был заснеженный, в чёрных прогалинах двор с детской песочницей в центре, на деревянных бортиках которой сидели четверо молодых мужчин, отхлебывающих по очереди что-то из большой бутылки. Когда Дина подошла к окну, один из них как раз запрокинул бутылку к небу, допивая остаток.

Папа сказал: «Отзовитесь, горнисты!» — и поторопил молодых на выход: как бы не опоздать на самолёт.

Дина умолила родителей не ехать в аэропорт, боясь, что у неё разорвётся сердце. Договорились, что расстанутся ненадолго и увидятся при первой возможности.

2

Итак, сорокатрёхлетний принц взял замуж восемнадцатилетнюю золушку и увёз её в свой замок на холме.

Нельзя сказать, чтобы этот коренастый лысеющий блондин был воплощением её мечты. Но ведь и она была совсем не красавица: полновата, с простым неприметным лицом, одетая в случайные, не подходящие друг другу вещи. И только серые глаза её привлекали внимание: было в них неизменно кроткое выражение, обещавшее спокойную и счастливую супружескую жизнь.

«Замок» оказался съёмной квартирой на окраине Торонто, сам же город поначалу Дина как-то не разглядела. Запомнились только ряды серо-коричневых домов, внезапно взмывающий к небу даунтаун и пара видов, которые она видела на открытках, подаренных мужем её родителям в пору ухаживания.

Едва успев распаковать чемоданы, чуть обустроиться и оглядеться на новом месте, Дина пошла на курсы английского, а месяца через три муж устроил её кассиром в супермаркет. Сначала она очень уставала и пугалась каждого обращённого к ней слова, а потом как-то привыкла и начала даже получать удовольствие от своей работы и особенно от того, что вокруг неё всегда были люди.

Круговорот белых, жёлтых, черных или просто смуглых лиц поначалу вызывал удивление. Живя в Ленинграде, который позднее превратился в Санкт-Петербург, Дина иначе представляла себе канадцев. Радовало, однако, что уровень владения языком у них с Диной примерно одинаковый. В общем, они понимали друг друга.

Когда-то она мечтала стать врачом, представляла себя в скрипящем от крахмала белом халате склонившейся над постелью больного, и чтобы непременно у больного были глаза, полные благодарности к ней, исцеляющей от злого недуга. Жизнь повернулась иначе. Да что там!.. Совсем иначе. Но желание исцелять и помогать у Дины осталось. Чтобы выдержать многочасовой рабочий день, она представляла, будто те, кто стоит в очереди в её кассу, нуждаются в ней, как больной — во враче. Из всех сил она старалась сохранить в себе этот взгляд чуть сверху, полный жалости и милосердия. Ну и практика в английском ещё никому не помешала.

Муж был доволен. Он сразу объяснил Дине, что, если она хочет иметь собственные деньги, ей придётся их заработать. Вдруг какая одежда приглянется или ещё что — а денежки тут.

На себя супруг взял обеспечение оплаты жилья и питания. Но и это временно... пока Дина не встанет на ноги.

Чтобы всё было «по правилам», открыли в банке два счёта. Один — лично для Дины, а другой — общий, куда оба супруга должны будут вкладывать деньги на общие расходы.

С самого начала, ещё в самолете, муж чётко объяснил ей, что брак не праздник, а выполнение взаимно взятых на себя обязательств. Его обязанность — кормить её и предоставить кров, а она должна заботиться о том, чтобы в доме имелась вкусная еда, было прибрано, постирано, поглажено. К тому же жена должна хорошо выглядеть, само собой. Когда появятся дети, а их должно быть не меньше трёх, уход за ними — целиком обязанность жены. Ну, а он, муж, будет обеспечивать их всем необходимым. Тогда, в самолёте, закончив разговор, новоиспеченный супруг потрепал юную жену по белокурым волосам и с удовольствием оглядел своё приобретение. Подумал: «Что ж, не зря мотался за океан. Возвращаюсь не с пустыми руками».

В Канаде такую жену ему было бы не найти. Местные барышни давно уже увлеклись идеями равенства полов и были, с его точки зрения, решительно непригодны к выполнению супружеских обязанностей. А ему, хоть и рождённому в Канаде, хотелось иметь тёплый, согретый женской заботой дом, как у его родителей или у их родителей, то есть бабки с дедом. Такая была у канадца мечта, о которой он не мог никому признаться, да и признаваться было некому, в общем-то. С родителями он на эту тему не говорил, а друзей у него не было. Как-то не случилось...

Муж звал её Дайна. Дине это напоминало имя собаки, которая была у неё в детстве, точнее, собаку звали Найда. Впрочем, вскоре она привыкла к своему новому имени. Иногда вспоминала, как папа звал её Голубкой. Но это было в другой жизни, которой больше нет...

Так и потекла супружеская жизнь. Медового месяца не сложилось. Муж сказал, что незачем зря расходовать деньги. Он копил на дом, а газеты предсказывали скорое падение цен на недвижимость, и он хотел в нужный момент быть во всеоружии.

Вместо медового месяца муж свозил Дину на Ниагарский водопад. Стоя на набережной и глядя на огромную массу грохочущей воды, он всё время повторял: «Дайна, у вас такого нет. Видишь, в какой стране ты теперь живёшь? Ты должна это ценить». Постояв так, восхищаясь выдающимся природным явлением, они пошли в кафе, где ели гамбургеры и жареную картошку. Дине молодой заказал стакан пива,

себе — воды, поскольку был за рулем. В этот день Дина была почти счастлива. Муж трепал её волосы и даже поцеловал руку, много улыбался. Вот, собственно, и весь медовый месяц... Медовый день.

Любовью они занимались два раза в неделю. Он почему-то назначил для этого вторник и пятницу. Происходило всё в полной темноте и тишине, и вообще, было похоже скорее на работу, чем на акт проявления романтических чувств.

Ещё в первую брачную ночь, случившуюся в Москве, в родительской квартире, Дина поняла, что все эти стихи, рассказы и песни о любви лишь чья-то досужая выдумка, и относилась к этому как к неизбежной части своей семейной жизни — так же, как к приготовлению пищи и уборке дома.

В минуты занятий «любовью» она научилась думать о чём-нибудь совсем постороннем. Чаще всего вспоминала Петербург, свою единственную подругу Ирку и её потемневшие от зависти глаза на Дининой свадьбе.

3

К концу первого года совместной жизни Дина поняла, что беременна. Муж был доволен и ласково трепал жену по волосам. Это была практически единственная ласка, которой он её одаривал: поцелуи у них в семье как-то не прижились.

Однажды на второй или третьей неделе совместной жизни Дина, провожая мужа на работу, вдруг решила и поцеловала его в узкие жёсткие губы. В ответ он посмотрел на неё удивленным взглядом и сказал, что утро не время для нежностей, взял портфель и ушёл. Больше подобных попыток Дина не делала.

Собственная беременность вызвала у Дины удивление. Удивительным было то, что этот чужой человек каким-то образом зародил в ней новую жизнь. Она пыталась почувствовать что-нибудь, кроме удивления. Может быть, радость, предвкушение перемен... Но вместо этого испытывала отчаяние. В те дни она часто плакала и очень волновалась, что муж заметит следы её слез.

Но он ничего не замечал. Он вообще смот-

рел на неё довольно редко. Обычно, приходя с работы, супруг садился за стол, уже накрытый к ужину, и разворачивал газету, изучал котировки, прогнозы падения цен на недвижимость, иногда вслух читал ей заметки в отделе происшествий. Котёнок не смог сам спуститься с дерева, пришлось вызывать пожарных... В таком-то районе кто-то стрелял... Ну, слава богу, не в нашем. Затем супруг привычно спрашивал у Дины, как прошёл её день, и получал ожидаемый ответ: «Great», — то есть просто замечательно. Поужинав, сидел на диван и включал телевизор. Смотрел на ночь какое-нибудь шоу. Иногда приглашал её присесть рядом и посмеяться вместе.

Но чаще она сидела в кресле в углу комнаты с книгой. Книги она брала в библиотеке — в доме их не было. Обычно — детективы на английском языке. И хотя читать на английском было все ещё трудно и сам детектив терял свою загадочность из-за того, что приходилось непрерывно заглядывать в словарь, Дина упорно и трудолюбиво продиралась сквозь дебри чужого языка. Сама себе она установила норму — прочитывать ежедневно десять страниц, и исправно её выполняла.

Однажды Дина обнаружила в библиотеке отдел русских книг. Долго ходила вдоль полки, выбрала тоненькую книжку незнакомого автора. Дома после ужина, устроившись в любимом кресле, открыла её. Книжка оказалась детективом, написанным легко и забавно. Дина увлеклась, испытывая радость от того, что можно просто следить за сюжетом, а не расшифровывать текст на чужом языке, — просто отдыхать, а не работать, ежеминутно хватаясь за словарь и выматываясь к концу десятой страницы так, словно перенёс на плечах тонну камней.

Станным образом муж, до этого никогда не интересовавшийся её чтением, на этот раз подошёл и заглянул ей через плечо: «Что это? Русская книжка? Зачем? Ты в Канаде. Здесь говорят по-английски. Ты должна учить английский, чтобы выучиться и устроиться на хорошую работу, чтобы зарабатывать. Ты думаешь, я вечно буду содержать тебя? Я уже не молод. Ты должна стать самостоятельной».

Дома супруги разговаривали в основном о са-

мых простых бытовых проблемах. О том, что приготовить на обед. Об оторванной пуговице. О покупке новой куртки или ещё какой-то необходимой одежды. Деньги тратились очень экономно — только на самое необходимое. Впереди были большие расходы в связи с рождением ребёнка, поэтому ни о каких лишних тратах не могло быть и речи.

За пару месяцев до родов они оборудовали в одной из двух спален детскую, покрасили стены в нежно-голубой цвет, повесили милые картинки с зайцами и белочками. Там же поставили раскладной диван для Дины, чтобы она могла быть рядом с ребёнком и детский плач не будил мужа, ведь ему утром на работу.

В эти же дни муж отвёз жену к адвокату, чтобы подписать брачный контракт. Суть контракта она не очень поняла, из сказанного разобрала в хитросплетениях шершавого юридического языка, что она что-то должна, а на что-то не имеет права. Улыбчивый адвокат протянул ей ручку, на которой было выбито название его конторы, а муж строгим взглядом пресёк её попытку прочитать документ. Чтобы не раздражать его, она быстренько расписалась там, где стояла галочка, и с облегчением покинула пугающий кабинет.

4

Через два месяца Дина стала мамой. Роды прошли легко, мальчик родился здоровым. На следующий день их с сыном выписали домой.

По случаю рождения первенца муж подарил Дине бриллиантовые сережки. Это были первые бриллианты в её жизни. Когда муж уходил на работу, а ребёнок засыпал, она доставала их из красной бархатной коробочки, вдвала в уши и с зеркалом в руках подходила к окну. Там, не отрывая взгляда от своего отражения, Дина любовалась крошечными звёздочками, вспыхивающими на мочках ушей, и чувствовала себя сказочной красавицей. После этого сережки убирала обратно в коробочку и прятала в дальний угол шкафа.

Дина решила устроить праздник по случаю двухлетия супружеской жизни. Ожидая мужа с работы, она прибралась так, чтобы ни пылинки, накрыла стол с хрусталём и свечами, надела

нарядную кофточку, сохранившуюся ещё с девических времён, и любимые бриллианты. Муж отнёсся к импровизированному празднику вполне благосклонно: ел, нахваливал, хотя свечи попросил убрать, поскольку это небезопасно. После ужина он, усаживаясь перед телевизором, посоветовал Дине серьги все-таки снять, а то не дай бог потеряются. Вещь ведь дорогая, не напокупаешься!

Так и текла её жизнь. Разнообразие в ней было мало, ну да и ладно. Ребёнок рос спокойным и веселым, сын стал для Дины главной радостью и смыслом жизни. Пройдет время, и первый год после его рождения она будет вспоминать как самый счастливый в канадском периоде её жизни. Даже вставая на его плач по ночам, Дина испытывала счастье. Наконец на свете появился кто-то, кому она необходима, кто на её любовь отвечает безусловной любовью!

К концу года надо было думать о неизбежном расставании с сыном — ей пора было выходить на работу, а ребёнку — в детский сад.

Как раз в один из тех дней в их квартире раздался телефонный звонок. Международная телефонная связь в то время была очень дорогой, поэтому с родителями Дина переписывалась по почте, а звонила очень редко и коротко. Родители же не звонили в Канаду никогда.

Тот пронзительный утренний звонок в спящем доме вызвал у хозяев панику. Заплакал разбуженный ребёнок, заворочался под одеялом муж, а Дина, в темноте пробегая в гостиную, больно ударилась босой ногой об угол шкафа.

Звонил отец из Петербурга. Он сказал, что маме совсем плохо и она хочет поговорить с дочерью.

Потирая ушибленную ногу, Дина услышала слабый мамин голос. Сквозь набирающие силу крики младенца она с трудом могла разобрать мамины слова. Но главное поняла: мама просталась, говорила о том, как любит свою Голубку и внука, с которым ей так и не довелось встретиться, просила не оставлять отца, забрать его к себе, как только будет возможность. И ещё просила — совсем робко — приехать в Ленинград повидаться напоследок.

Повесив трубку, Дина, придавленная новос-

тями, устала в тёмное окно. На часах было около пяти. Зимнее утро ещё не началось.

Тихонько, чтобы не тревожить мужа, которому оставалось спать ещё час, Дина взяла на руки хнычущего ребёнка. Села в кресло, укуталась пледом и задремала вместе с успокоившимся сыном. Засыпая, она думала, что непременно должна поехать к маме, может быть, в последний раз, но в глубине души догадывалась: не получится.

Утром муж подтвердил Дине ее догадку. Его аргументы были неумолимы. «Ну, куда ты поедешь? А с кем останется сын? С ним ехать ты не можешь: младенцу такая поездка ни к чему. А одному без тебя мне не справиться. Ты же знаешь, я не могу не ходить на работу. К тому же я жду повышения, а если я возьму отпуск, оно может и не случиться. Да и денег сейчас лишних нет. Поездка в Россию — это очень накладно! И чем ты там поможешь? — распался муж, в конце добавил: — Давай мы лучше пошлём им немного денег. Тысячи хватит? Ну, ладно, две. Ну что ты плачешь? Мы же договорились», — и небрежно потрепал её по волосам.

Мама умерла, так и не попрощавшись с Диной и не увидев своего внука. Дина узнала об этом из письма отца. Она долго оплакивала материну безвременную смерть, но к приходу с работы мужа слёзы вытирала и накрывала ужин. Как всегда.

5

Прошли годы. Дина выучилась на ассистента дантиста. Теперь она работала в белом халате, что приближало её к детской мечте — стать врачом.

Спустя время супруги смогли скопить деньги на первоначальный взнос и наконец взяли в кредит дом. У каждого теперь была своя спальня, а возле дома стояли две машины.

Двух зарплат хватало, чтобы оплачивать кредит и текущие расходы. На отпуск и развлечения, правда, не особо оставалось. Впрочем, отпуск и не входил в список самого необходимого. Были расходы и поважнее. Надо было откладывать «на чёрный день», если вдруг что-то случится со здоровьем и один из супругов не сможет

работать. Да и о старости пора было подумать, которая не за горами, оглянуться не успеешь — она тут как тут. А на пенсию не особо проживёшь. «Ну, ты сама всё понимаешь, Дайна», — приговаривал муж, когда Дина в очередной раз пыталась завести речь о поездке на родину.

Когда мальчику исполнилось десять, отец наконец решил, что надо показать ему Европу с образовательной целью. Он купил не слишком дорогой тур. Дина очень заволновалась, ведь она нигде еще не была, — готовилась, читала путеводители по Германии, Австрии и Швейцарии. За десять дней им предстояло проехать три страны и много городов. В общем, подготовилась основательно и ждала поездки как праздника.

Но праздник не удался. Ребёнок был не рад путешествию, то и дело он недовольно фыркал и требовал привычный гамбургер. Муж сердился на Дину, потому что она не могла урезонить сына. В результате все перессорились и вернулись домой в плохом настроении. Саму поездку Дина как-то не запомнила. Не до красот было.

Через несколько лет после того путешествия в Петербурге умер Динин папа. И опять она не смогла приехать на похороны. Послала денег. Похоронами занималась папина сестра со своими детьми. Эту смерть Дина пережила уже спокойнее, но, конечно, поплакала наедине. Рассказала сыну, что умер его дедушка, которого он ни разу не видел. Сын покивал и ушёл в свою комнату.

Петербургскую двушку папа завещал своей племяннице, которая ухаживала за ним в последние годы, — той самой, в чьём платье Дина выходила замуж. Узнав об этом, с папиным решением она согласилась.

В общем, жизнь кое-как наладилась и даже стала напоминать картинку из журнала «Америка», которую Дина любила рассматривать в детстве. Уютный дом, две машины во дворе, — теперь это у неё было. Мечты сбываются.

К своему дому она относилась со страстью: украшала его, продумывала цвет штор и покрывал, искала подходящие люстры. Особенно восхищал Дину камин. Когда-то, ещё в детстве, она мечтала, не разнимая рук, сидеть с люби-

мым возле камина, и чтобы дрова потрескивали, а они молчали, потому что и без слов понимали друг друга, смотрели на огонь... и, может быть, иногда целовались.

Теперь камин в доме был. Но сидеть перед ним с мужем и смотреть на огонь все как-то не получалось. Вообще, камин они разжигали очень редко, поскольку, оказалось, это требует довольно больших усилий: купить дрова, умело поджечь их, а потом, когда они прогорят, нужно камин почистить, выгребая из него сажу. И всё-таки камин у Дины теперь был — свой собственный. И красивая полка над ним, на которую она поставила специально купленный подсвечник с тремя свечами.

Жизнь Дины протекала в основном дома и на работе. Утром завтракали и разлетались каждый по своему маршруту. Сын — в школу, Дина и муж — на работу. Вечером встречались, ужинали, спрашивали друг друга, как дела... Ответ был стандартный: всё нормально. После ужина каждый шёл в свою комнату.

Друзей ни у кого из членов семьи не было — лишь знакомые, с которыми они время от времени встречались, приглашая к себе или нанося ответные визиты. Случалось, в компании жарили во дворе сосиски на гриле, пили пиво, болтали ни о чём. По неписаному закону не обсуждалось никаких серьезных тем — только погода, цены на продукты и недвижимость, игра хоккейной или баскетбольной команды, иногда — бейсбол. Во всех этих играх Дина так и не разобралась, имена игроков не запомнила, поэтому поддержать разговор не могла.

Ещё изредка обсуждали кулинарные рецепты — вот в этом Дина могла блеснуть. Как-то, желая удивить гостей, Дина приготовила настоящий русский борщ по рецепту своей мамы, но успеха он не имел. Сказали, что очень непривычный вкус. Дина такой реакции не ожидала, другого угощения она не приготовила, потому, видя поскучевшие над почти не тронутыми тарелками лица гостей, всё бросила и срочно поехала в супермаркет за пищей и сосисками.

Ей было обидно и стыдно за такой прокол. Муж, понимая неловкость ситуации, смотрел на неё злыми глазами. Больше таких попыток она не делала...

6

Кроме редких встреч с приятелями были ещё и встречи с родителями мужа. Свекор и свекровь Дины жили не слишком далеко.

Познакомилась с новыми родственниками она вскоре после приезда.

Родители мужа оказались в Канаде вместе с большой волной эмиграции сразу после Второй мировой войны. По-русски они говорили, прибыли из одной страны восточной Европы. Перебравшись в Канаду, тяжело работали в течение многих лет, так сумели добиться того, к чему стремятся все, — обрели свой дом, в котором вырастили сына. Дом у них был скромный, но хозяева им гордились.

А вот чужой язык они полностью так и не освоили, но и сына русскому языку намеренно не обучали. Так было задумано с самого начала: пусть сынок растёт настоящим канадцем, зачем тащить за собой ненужный багаж старой истории, решили родители. Дома говорить с ним они могли только на простейшие темы: мать с отцом плохо владели языком сына, а сын не говорил на родном языке своих родителей.

Дину они встретили не то чтобы радушно... скорее, вежливо. Устроили чаепитие с привезённым молодыми супругами тортом, посидели, поговорили.

Седенькая свекровь показала невестке детские фотографии сына. Рассказала, какой это был способный мальчик, как они с отцом старались дать ему все самое лучшее, как хотели, чтобы он выучился и стал обеспеченным человеком.

Сидя в гостиной, заставленной старомодными диванами, украшенной обрамлёнными в рамки вышивками с цветами и пейзажами (хобби свекрови), Дина изо всех сил пыталась почувствовать близость к этим людям, ведь теперь они для неё почти что мама и папа. И хотя милые старики улыбались ей в ответ, подливали чай, подкладывали куски торта, представлять, что они заменят ей родителей, никак не получалось.

Тот самый первый визит, впрочем, был недолгим. Молодые засобирались. Родители вышли проводить их на крыльцо, они стояли рядом, оба небольшого роста, седые, почти

одинаково одетые во что-то тёплое, уютное, серо-коричневое, махали вслед отъезжающей машине.

Дина тоже помахала в ответ. Она растрогалась, ей стало почему-то невыносимо жалко и этих стариков, и своих, оставленных в Питере.

Впрочем, муж её ностальгического настроения не поддержал. Сказал, что все у его родителей в порядке. Живут как хотят, ни в чем не нуждаются. А если что-то им понадобится, он всегда готов помочь.

После этого визиты к родителям стали регулярными, но не частыми. Виделись они примерно четыре раза в год. На Рождество, в День Благодарения, в день Матери и в день Отца. На два последних праздника по неписаной традиции сын выводил родителей «в свет», то есть вёз обедать в один из популярных сетевых ресторанов.

Там родители всегда заказывали одно и то же — жареную курицу, которая была фирменным блюдом этой сети. Дни рождения у них справлять было не принято. В эти дни сын ограничивался телефонным звонком. Он был очень хорошим сыном.

7

Так и жили, не нарушая взаимную «privacy»¹, согласно неписаной этике здешних мест.

Динин сын вырос. В школе он учился средне, но отец предпочитал на него не давить, чтобы, как он говорил, не нарушать личную свободу. Дина вынужденно соглашалась. По-русски её мальчик не говорил. Пока он был малыш, Дина пыталась учить с ним русские слова, даже купила в русском магазине несколько детских книжек. Но муж эту затею не одобрил: сказал, не надо забивать ребёнку голову никому не нужными знаниями, английского вполне достаточно, чтобы вырасти успешным человеком и зарабатывать деньги.

Классе в девятом прежде жизнерадостный подросток вдруг как-то затих. И без того не слишком частые разговоры с родителями практически сошли на нет. Мальчик стал рассеянным, на вопросы отвечал невпопад или не отвечал вовсе. Однажды утром отказался вставать и идти в школу, так и пролежал в постели целый день, потом второй, третий... На вопросы роди-

телей отвечал уклончиво: болен, в школу больше не пойду...

А днём, когда мать с отцом были на работе, он вставал и уходил куда-то, иногда возвращался за полночь.

Из симпатичного веселого голубоглазого мальчишки со светлыми, как у матери, волосами он превратился в собственную тень. Глаза его погасли, и вокруг них залегли темные круги.

Однажды Дина обнаружила, что у неё из кошелька пропали деньги. Потом ещё и ещё. Пожаловалась мужу. Он заглянул в свой бумажник, обнаружил, что и у него денег поубавилось.

В общем, оказалось, что мальчик подсел на наркотики — баловался марихуаной, которую как раз собирались в стране узаконить. Курил это зелье он уже продолжительное время, понемногу подворовывая из родительских кошельков.

Когда мать об этой напасти узнала, она заистерила и вынудила сына признаться. Выяснилось, что в школе курят все его одноклассники и даже учителя иногда составляют им компанию. И ещё сын сказал, что не видит в этом ничего плохого, только сумасшедшие русские считают полезную траву наркотиками. И, что самое главное, сделать с этим родители ничего не могут. Любое их действие можно будет признать насилием над ребёнком, а на этот случай у каждого школьника записан телефон, по которому можно позвонить и пожаловаться. После такого звонка родителей запросто могут забрать в полицию, непременно в наручниках. А дальше — непредсказуемый ком неприятностей.

После этого разговора Дина не находила себе места, все порывалась заставить сына одуматься. Но её попытки наткнулись на холодный и отстранённый взгляд и просьбу не вторгаться в его личное пространство. Дина не могла понять, как так случилось, что веселый и улыбчивый малыш, когда-то сделавший первые нетвердые шаги, чтобы упасть в её раскрытые руки, и радостно хохотавший, когда она целовала его в круглый младенческий живот, вдруг превратился в этого чужого враждебного человека.

Муж посоветовал ей оставить мальчика в покое. Ведь, в конце концов, это его жизнь. Сослался на личный опыт — он тоже покуривал в

юности. Да и сейчас под настроение позволяет себе. И ученые говорят, что нет в том большого вреда и даже совсем наоборот, нервы успокаивает «волшебная» травка.

И Дина смирилась. А что она могла сделать?

В школу мальчик теперь ходил лишь изредка. Как-то с пятого на десятое протянули последние годы учебы. К моменту окончания сын с трудом набрал необходимые баллы, чтобы получить справку.

Попытаться выучиться на программиста или хотя бы бухгалтера, как отец, он наотрез отказался. В детстве сын хотел быть актером и иногда по вечерам разыгрывал перед родителями сцены из любимых голливудских фильмов. То он был супермен, то Джек-Воробей, то человек-паук. Вместе с Диной он придумывал костюмы из всего, что попадало под руку. В ход шли занавески, шарфы, шали, блузки, шляпы... Представления были смешными, родители хохотали, и мальчик вместе с ними. В такие минуты они все были очень близки друг другу, как родные люди. Но детство кончилось, и сын как-то остыл и вроде бы забыл о своём увлечении.

Он решил «искать себя», а пока поработать официантом. Жить решил тоже отдельно от родителей. Те, вздохнув, согласились и даже стали оплачивать ему съёмную квартиру, которую он снимал пополам с парнем, работавшем в том же ресторане администратором.

Через некоторое время Дина забеспокоилась, что сын никак не заведёт себе девушку. Стала спрашивать его, может, завёл, но стесняется познакомить?

И тут Дину ждал ещё один удар. Сын сообщил, что он любит мужчин. Вернее, они его любят. Верилось в такое с трудом. Как же так, ведь ему нравилась в школе девочка, а потом ещё одна?.. Избегая долгих разговоров, сын заявил, что теперь ему нравится его партнёр, как раз тот самый, с кем они снимают квартиру. Добавил:

— Если я вас не устраиваю, могу уйти и больше никогда не возвращаться.

— Ну что ты! Конечно, ты нас устраиваешь! — воскликнула расстроенная Дина. — Я люблю тебя! Ты мой сын! Только не уходи насовсем!

— Хорошо, мама. Я буду приходить иногда. А

ты можешь прийти посмотреть на нас на параде Гордости.

– Что за гордость? – не поняла Дина.

Сын с улыбкой пояснил:

– Это гей-парад, мама. Мы будем участвовать.

После этого разговора Дина не спала несколько ночей, приходилось принимать снотворное.

Муж отнёсся ко всему на удивление спокойно. Крякнул как-то философски, мол, ничего не поделаешь, надо быть толерантными, и ушёл в свою спальню.

Перебирая в памяти события и пытаюсь приспособиться к новой реальности, Дина решила на невысказанный для себя шаг: пошла посмотреть на этот самый парад, который ежегодно проходит в Торонто.

Крадучись, в темных очках и бейсболке, стыдясь самой себя, она пробралась в первый ряд и встала у самой решетки, отгораживающей публику от улицы, по которой пройдут участники. Что это за гордость? Чем тут можно гордиться? Этого Дина никак не могла взять в толк.

В ожидании она начала рассматривать публику, пришедшую поглазеть на экзотическое зрелище. Вдоль улицы стояли металлические ограждения, отделяющие тротуар от проезжей части. За ними стояли жители Торонто, эмигранты из самых разных уголков земного шара.

Дину впервые поразило, насколько разными были лица тех, с кем она живет в одном городе вот уже немало лет. Белые, чёрные, коричневые руки лежали на металлических перилах, а над ними были лица белые, чёрные, коричневые, с глазами раскосыми и не очень. Похоже, все эмигранты, тяжело отработав в течение недели, пришли сюда на это ежегодное развлечение. Впрочем, особого любопытства в глазах не было. Просто стояли и ждали. Какая-то молодежная компания, хихикая, махала радужными флажками, которые за несколько долларов предлагали снующие вдоль толпы предприимчивые продавцы.

Наконец в конце улицы показалась пестрая процессия, которую возглавляло главное начальство страны и города. Они бодро размахивали радужными флагами, публика ревела. Потом шли какие-то трудовые коллективы с над-

писями: «Банк такой-то», «Профсоюз такой-то». Все эти банкиры (или кто они там?) дурашливо хохотали, дули в клоунские дудки и размахивали радужными флажками.

Потом прошла довольно жидкая группа легко одетых людей. Один из них был только в кроссовках. Обнявшись, прошли две пожилые тётки с обвисшими обнаженными грудями. Вот еще несколько то ли мужчин, то ли женщин – Дина не разобрала. Все они несли плакаты с замысловатыми обозначениями своих сексуальных предпочтений. Дине запомнились «асексуалы». Ей стало жалко этих запущенных, грязноватых и, очевидно, никем не любимых людей.

Наконец показался грузовик, на открытой платформе которого танцевали мужчины, переодетые женщинами, и женщины, больше похожие на мужчин, хотя и с обнаженной женской грудью.

Среди этих безудержно веселящихся Дина увидела своего сына. Чтобы лучше видеть его, она сняла солнцезащитные очки. Её мальчик был в розовых колготках, красном с блёстками платье, рыжем женском парике и на высоких каблуках. Лицо его было ярко накрашено. Её мальчик кривлялся, приплясывал и посылал алыми губами публике воздушные поцелуи. С ним рядом был брутальный красавец, перетянутый ремнями.

Когда грузовик проезжал совсем рядом, Дина разглядела, что на колготках поехала стрелка и она зашита через край белыми нитками, на красных сверкающих туфлях каблуки совсем стоптаны, а носы сбиты. От жалости у неё перехватило горло, а в груди стало горячо.

Грузовик проплыл мимо. Дина решила, что сын её не заметил. Может, это и к лучшему. Если бы он ей помахал, она совершенно не знала бы, как себя вести. Наверное, надо было бы изобразить радость и веселье, но она не была уверена, что у неё получится.

Мало понимая происходящее, Дина, будто оглушенная, дошла до машины, села в неё и повернула ключ в замке зажигания. Проезжая сквозь чужой, несмотря на почти двадцать прожитых в нём лет, город, останавливаясь на светофорах, пропуская пешеходов, уворачиваясь от лихачей, Дина видела перед глазами этот грубый шов на розовых колготках. Хотелось

закричать, нажать на газ, врезаться в нелепый вэн, ползущий перед ней, выругаться наконец. Но она умела держать себя в руках. Вот только слёзы всё катились и катились по щекам.

Домой Дина вернулась с болью в груди. Прилегла.

Муж поинтересовался, где она была. Ответила, что видела сына. Дальше расспрашивать он не стал.

Разошлись по спальням. Закрыли двери. Жизнь продолжается. Завтра на работу.

8

Так прошло ещё несколько лет. Сыну было уже за двадцать. Он жил своей особой и странной жизнью, о которой Дина старалась не задумываться.

С мужем они практически перестали общаться. Скучные разговоры свелись к минимуму. Сын звонил редко. Ещё реже заезжал на огонёк. Всей семьёй они теперь собирались всего несколько раз в году: на Рождество, на День Благодарения да ещё пару раз без повода. Заезжал он ненадолго, съедал кусок традиционной индейки, говорил: «Thank you, mom!» — чмокал в щеку и уезжал по своим делам. Жалея сына, Дина совала ему в карман немного денег, он её легонько обнимал в прихожей и уходил в свой неведомый мир.

После этого тишина в доме была особенно гулкой. Муж сразу уходил к себе в спальню, Дина оставалась в кухне, чтобы прибраться после обеда. Она загружала посуду в посудомоечную машину, а после тоже уходила к себе. В темном доме становилось так тихо, что слышно было, как глухо плещется вода.

Тишина была и вокруг дома, на их улице и на всех соседних. Изредка шуршали по асфальту колёса проезжающих машин, иногда мимо окон проходил сосед с собакой. Если встречались с ним на улице, говорили друг другу: «Hi, how are you?»² Отвечать на это следовало исключительно «great!»³. После чего все расходились или разъезжались по своим делам. Ритуальное приветствие, сопровождаемое ритуальными улыбками, не более того. Иной раз они перекидывались несколькими словами о пого-

де: «Nice weather!»⁴ — «O yes, beautiful weather!»⁵ И опять в воздухе повисали улыбки, которые исчезали в тот самый момент, когда собеседники отворачивались друг от друга.

Люди вокруг жили тихие и приятные, при встрече всегда улыбались, но за столько лет имён своих соседей Дина так и не узнала: не настолько близко они были знакомы.

Первые годы она жила исключительно в англоязычной среде, и это её не особо тяготило. Язык она схватывала легко, и выученного вполне хватало, чтобы вести несложные беседы и дома, и на работе. А сложных бесед ей вести было не с кем.

Дина прибавила в весе и перестала за собой следить. Оказалось, что незачем и не для кого. Дома только муж, который на неё почти не смотрел, на работе она пряталась за зелёной униформой, шапочкой и маской, а по дороге на работу и обратно она была одна в машине.

С уходом из гнезда сына жизнь упростилась. Ежедневно каждая минута была расписана раз и навсегда. Утром — завтрак себе и мужу, каждый день один и тот же — кукурузные хлопья с обезжиренным молоком без лактозы, бутерброд с сыром и кофе с подсластителем. Муж очень следил за здоровьем, поэтому избегал жиров и сахара.

Потом — быстро привести себя в порядок, то есть умыться, причесать волосы, надеть брюки, свитер, кроссовки, куртку. Мельком глянуть в зеркало, увидеть ещё один седой волос на виске, слегка расстроиться, мысленно махнуть рукой, схватить сумку и выбежать за дверь. Далее — сесть в машину и ехать одной и той же дорогой до медицинского офиса.

Каждый день Дина проезжала мимо одних и тех же домов, сначала по своему кварталу частной застройки, потом по магистральной улице с серо-коричневыми одинаковыми домами и ещё сорок минут по шоссе, если не будет пробок.

Зима и лето — разницы почти нет. Разве что зимой на Дине были куртка, свитер, а летом — какая-нибудь рубашка. Ну ещё, пожалуй, летом приятнее садиться в машину, потому что зимой она ледяная, пока не прогреется. Зимой по асфальту струилась позёмка, иногда шёл дождь. Пока Дина ехала по городу, видела ред-

кие фигуры людей в темной одежде. Прохожих на улицах было мало — в основном горожане передвигались на машинах, каждый — в своей металлической коробке.

Летом на газонах вдоль дороги вылезала трава, редкие деревья становились зелеными, прохожие сбрасывали куртки и оставались в джинсах и майках. Вот и вся разница между зимой и летом. А лиц по-прежнему нет. Да разве разглядишь лица, когда несёшься на скорости?

Через девять часов Дина возвращалась домой той же дорогой. Быстро что-то готовила из полуфабрикатов, лежащих в морозилке. Вскоре с работы приходил муж, вместе ужинали.

После этого он чмокал её в щеку, говорил: «Thank you, honey»⁶, — и уходил к себе.

По выходным Дина полюбила заниматься своим садом. Вернее, когда дом был куплен, никакого сада на заднем дворе не было — просто трава. Но Дина вдруг увлеклась идеей превратить безликие квадратные метры, окружённые забором, в райский уголок. Собрала в интернете информацию, что и как сажать, какие покупать семена и рассаду. В результате ее трудов скучный клочок земли расцвёл розами, пионами и ромашками, а вдоль забора она посадила кусты жасмина, которые по вечерам источали дивный аромат. И даже равнодушный к цветам муж иногда выходил во двор и вдыхал душистый воздух, поглядывая на жену с одобряющей улыбкой.

Если летом можно было заниматься садом, то зимой вечера были длинными и тягучими. Что-бы как-то занять себя, Дина по совету приятельницы на работе зарегистрировалась в социальных сетях. Фамилию указала девичью, поставила фотографию со школьного выпускного вечера. Так и стала она пользователем соцсети: понемногу почитывала чужие заметки, рассматривала новости, приобрела нескольких друзей.

Вот что больше всего привлекало здесь Дину — это возможность читать и писать на русском. Совсем она от этого отвыкла. Поначалу только читала, что другие пишут, постепенно выбирая для себя интересные темы, затем осмелела и стала комментировать, ей отвечали, завязывался разговор.

Это было так волнительно после стольких лет канадского «заточения», что Дина стала хуже спать. Ей казалось, что она выходит из тюрьмы, где в одиночестве просидела много лет. Однажды она засиделась за компьютером почти до утра и впервые опоздала на работу. Впрочем, никаких серьезных последствий это не имело. Просто строгий взгляд от начальства. Но больше Дина таких вольностей себе не позволяла.

Там же, в волшебном мире соцсетей, она присоединилась к группе, посвящённой её родному Ленинграду, тогда и поняла, как же она соскучилась. Жадно рассматривая фотографии Невы с её гранитными набережными, кладовских коней, мостов, знакомых улиц, она чувствовала, как сердце превращается в горячий комок и иногда становится трудно дышать.

Теперь вечерами, накормив мужа и прибравшись на кухне, Дина старалась как можно скорее уйти в свою комнату и остаться наедине со своим новым миром. Там начиналась для неё настоящая жизнь.

И однажды случилось чудо. На необъятных просторах интернета она встретила свою единственную школьную подругу Ирку. Она осталась такой же веселой, какой была в далекой суматошной юности, даже внешне, кажется, совсем не изменилась. Подруги стали переписываться, а потом и перезваниваться — теперь это можно было делать через интернет.

Дина послала фотографии сына, дома, сада, машины.

Подумала: надо бы и себя показать — своё фото отправить... Но кому же хочется ударить в грязь лицом?

К такому делу Дина основательно подготовилась: впервые за много лет пошла в магазин одежды и долго перебирала там блузки, юбки и платья. На юбку или платье она не решилась — за многие годы совсем отвыкла от юбок, но блузочку светленькую всё-таки прикупила.

Уже дома еще раз примерила обновку и понравилась себе. Открыла ящик комода, где хранилась кое-какая косметика. Собираясь слегка подкрасить лицо, Дина поняла, что эту женскую премудрость прочно забыла. Да и нечем ей сделать макияж, как оказалось. Пришлось срочно ехать в тот же магазин, только в другой отдел.

9

Там Дина по совету продавца-консультанта купила косметику, научили её и правильно пользоваться всеми этими мудреными кисточками, баночками и тюбиками, даже сделали красивый дневной макияж. Встав с кресла, Дина с удовольствием взглянула на себя в зеркало. И так она себе понравилась, что сразу попросила продавца сфотографировать ее на телефон на фоне этих манящих зеркальных полок с красивыми флаконами и баночками. Получилось светло и нарядно.

После этого довольная Дина решила еще раз прогуляться по отделу одежды. Неожиданно для себя купила вечернее чёрное платье, и ещё платье на каждый день, и ещё несколько блузок и юбок, а к ним туфли на высоком каблуке. Последний раз она ходила на каблуках на своей свадьбе, поэтому, примеряя лаковые лодочки, Дина была совсем не уверена, что сможет пройти в них хоть шаг. Но обула, продефилировала по залу. И осталась жива! Даже ноги почти не подрагивали.

В холл торгового центра Дина вышла с пакетами, к тому же в новой шелковой блузке и элегантной юбке. Вышагивала она, уверенно цокая тонкими шпильками. Задержавшись у огромного зеркала, еле узнала себя. Решила: надо бы немного похудеть и что-то сделать с волосами. Но в целом очень даже хороша!

Пройдя по длинному переходу торгового центра, Дина заметила парикмахерскую. Замирая от собственной смелости, зашла. Приветливый администратор сообщил, что есть свободный мастер, и проводил Дину в зал. Там, устраиваясь в кресле, она попросила стильного брюнета в кокетливом фартучке сделать её красивой.

Через час Дина увидела в зеркале молодую женщину с русой челкой, из-под которой сияли яркие серые глаза. Брюнет, как оказалось, отлично знал своё дело. А Дина была ему так благодарна, что готова была обнять и расцеловать его. Но обошлась щедрыми чаевыми. После этого она продолжила свой триумфальный путь мимо магазинов и магазинчиков.

Пора было ехать кормить мужа.

Дома ее ждал неприятный сюрприз...

Родители мужа, которым давно перевалило за восемьдесят, уже долгое время были нездоровы. Помимо давления и прочих неприятных вещей, сопровождающих старость, у них развилось слабоумие, по-научному говоря, деменция. Какое-то время в семье старались не замечать, когда пожилые родственники стали путать имена и даты, но болезнь прогрессировала. Из дома они уже почти не выходили. Физическая сила в них сохранялась, а умственная утекала, как вода сквозь пальцы. Сын с женой привозили им продукты, наняли сиделку — эмигрантку с Филиппин.

Однажды ночью, пока сиделка спала, старик умудрился отпереть сложный замок и ушел. Дело было зимой, а исчез он в домашних тапочках и шерстяной кофте. Пришлось вызывать полицию. Нашли его на другом конце города. Как он туда попал, осталось тайной.

К вечеру того же дня домой его привезли на полицейской машине. Было видно: старик получил удовольствие от того, что оказался в центре внимания. После этого приключения он долго не мог успокоиться и все пытался что-то рассказать, но объяснить не мог: английский напрочь покинул его сознание, а на родном языке говорил что-то несвязное. Да и некому было слушать его...

Через месяц после побега произошла другая катастрофа. Мать, пытаясь завернуть кран в ванной, наоборот, открыла воду и ушла. Опомнились, когда вода из-под двери хлынула в комнаты. Сиделка в тот момент отсутствовала: вышла в магазин за мороженым, до которого старики были большие охотники. Когда она вернулась, вода уже залила полы во всем доме. Старики же забрались с ногами на диван и оттуда испуганно наблюдали за потоком. Первым делом сиделка сообщила о чрезвычайной ситуации сыну своих подопечных.

Так вот, когда счастливая Дина, нарядная и обновленная, вернулась домой, муж сообщил ей эту новость. Надо было срочно ехать к родителям, чтобы оценить размеры катастрофы и понять, что делать дальше.

Муж, конечно, отругал сиделку за то, что оста-

вила стариков без присмотра, но ситуацию это не меняло. Потоп в доме ликвидировали, надо было думать, как поступить дальше. И решение могло быть только одно — дом престарелых.

Через неделю подходящее место было найдено, старики собраны в дорогу. Так их отправили в последний земной приют. Место, как узнал сын хозяев, вполне хорошее, уход обеспечивают достойный. Минус один: дорого. Но деньги нашлись. Старики, пока были в силах, копили, часто отказывая себе в самых простых удовольствиях. Так что уютная комната с круглосуточным уходом им была обеспечена.

С собой им дали альбом с фотографиями, на которых они ещё молоды, а любимый сын — улыбчивый круглолицый малыш или подросток. На одном из фото был запечатлён их переезд в тот самый дом, который им пришлось покинуть навсегда: семья стоит на лужайке, а лица их сияют радостью и гордостью. В придачу родителям дали фарфоровую собачку с каминной полки. Это была историческая вещь — память о родине: она приехала с ними в эмиграцию много десятилетий назад и пережила рядом с владельцами все невзгоды. Считалось, что на каминной полке в той гостиной мопс навсегда обрёл своё место, но нет — и ему пришлось ещё раз переехать вместе с хозяевами. Одна из вышитых руками хозяйки бабочек тоже отправилась на новое место, чтобы украсить там белую казенную стену над кроватью.

Со всем остальным скарбом надо было разбираться срочно, потому что дом должен быть выставлен на продажу как можно скорее, пока цены не упадут, как всегда бывает летом.

Не желая тратить время, сын в тот же день, когда вывез родителей, обратился в компанию, которая занималась подобными услугами, то есть ликвидировала хозяйство: что-то распродала, что-то отвозила в благотворительные магазины.

Так ушли за бесценно диваны и кресла, кровати, ковры, розданы нуждающимся тарелки, чашки и прочая утварь, туда же отправились книги и вышивки, хоть и искусные, но совсем не модные. Одну вышитую картину с букетом маков Дина оставила себе на память о свекрови.

Через пару недель дом опустел, он был тща-

тельно вымыт приглашённой бригадой уборщиц и выставлен на продажу.

Предусмотрительный сын заранее, даже задолго до этих событий, подписал у стариков доверенность на распоряжение их имуществом и счетами, так что никаких сложностей не возникло.

Дом продали быстро и по весьма разумной цене. Покупатель был рад выгодной покупке, но строение его не интересовало вовсе. Он собирался его снести и построить на этом участке новый прекрасный особняк, который тоже будет продан с большой прибылью.

В общем, все остались довольны. Ещё одна страница перевёрнута. Жизнь продолжается.

Пройдёт два года, и родители угаснут один за другим. Сначала умер отец, а через месяц и мать. Сын отнёсся к этому с приличествующей скорбью, но в целом философски. Они прожили длинную жизнь, воспитали хорошего гражданина, оставили после себя неплохое наследство. Жизнь прошла не зря.

Похороны прошли тихо. Была только семья. Работники похоронной службы держались профессионально-скорбно. Все прошло очень прилично. Похоронили усопших рядом, благо места на кладбище были куплены заранее.

10

За всеми этими хлопотами Дина надолго успела забыть о своём маленьком приключении с перевоплощением, которое случилось с ней в торговом центре. Купленные юбки, блузки и туфли были убраны в шкаф. В отдельный ящик она запрятала помады, тени и румяна.

Ежедневное её существование вернулось на круги своя. Завтрак, джинсы, кроссовки, куртка, крысиный хвостик на голове, машина, серая улица, шоссе, опять серая улица, офис дантиста, маска, халат, шапочка, перерыв на ланч, пустой разговор о погоде с сотрудницей, опять работа, машина, улица, шоссе, улица, дом, ужин, разговор ни о чём: «How's everything, honey? — Everything is ok. — Good night, honey. — Good night»⁷. И дальше — короткий вечер за компьютером в соцсетях.

Там был другой мир, позволявший ей улетать далеко за пределы своей реальной жизни:

смешные картинки, интересные рассказы и целые приключения. Дина узнавала, как живут в других странах, и находила немало женщин со схожей судьбой.

Так сложилось, что интересней всего ей было узнавать про Россию. Русский язык возвращался в Динину жизнь, словно его извлекали из дальнего потаённого уголка души. Он обрстал новыми словами, которых она ранее не знала, и она с удовольствием их подхватывала. С любопытством и радостью Дина всматривалась в почти незнакомую ей современную российскую жизнь и понимала, что жизнь эта ей нравится.

Вот в таком иллюзорном существовании прошла ещё одна осень. Наступила зима, Кристмас — так в Северной Америке называют Рождество. На самом деле к рождению Иисуса Христа этот праздник имел самое отдаленное отношение. Хотя где-то в церквах, которых становилось всё меньше, шли рождественские службы, для простых людей эти дни были настоящим праздником покупок или шопинга, как это принято теперь называть.

С начала ноября по телевизору начиналась реклама всевозможных товаров, приправленная сладкими образами Санта-Клауса и рождественской ёлки. По мере приближения двадцать пятого декабря реклама начинала занимать в эфире места едва ли не больше, чем сами телепередачи. Возбужденный рекламой народ кидался в торговые центры и скупал нужный и ненужный товар. Это и было главным содержанием и смыслом рождественских праздников. А подарки под елкой — святой традицией, которую никакой здравомыслящий житель Северной Америки нарушить не осмелится.

За пару недель до праздника и Дина начала беспокоиться о рождественских подарках. Заехала в ближайший торговый центр, пробежалась по магазинам, ломая голову, чем же порадовать семью. Ничего особенного не придумав, она купила мужу и сыну одинаковые свитеры с оленями.

Себе она ничего не купила. Посмотрела на меховые ботинки, но решила, что после Кристмаса она купит их гораздо дешевле. В гулких торговых залах звучали традиционные рождественские мелодии — одни и те же из года в год.

Дина вспомнила, как в первые годы любила эти предпраздничные дни и эти мелодии в каждом магазине. Подхватывая настроение, льющееся из репродукторов, она каждый раз ожидала милых сюрпризов и вообще каких-нибудь приятных чудес. И вот сейчас, через двадцать с лишним лет, они вдруг стали раздражать её каждой нотой, каждым словом и предсказуемой последовательностью. Подумалось, что жизнь её размечена до самого конца. Вот эти песенки на Кристмас, потом тихий, почти незаметный Новый год, ещё пара семейных праздников в году, между ними — работа, работа, работа. Молчаливый муж, редкие звонки от сына. Так будет всегда. Потом будет пенсия. Дальше она заглядывать не решилась. Успокоила себя, что у большинства нет и этого. В конце концов у неё есть дом, который она украсит лампочками и устроит в нем настоящий праздник.

Семья должна была собраться на традиционную индейку. Под искусственной ёлочкой лежали подарки, обёрнутые в красивую бумагу. Дина представляла, что вечером ее мужчины нарядятся в одинаковые смешные свитеры, будет весело. Можно будет даже спеть традиционную рождественскую песенку. Получится настоящее канадское семейное Рождество.

В сочельник с утра позвонил сын. Сказал, что не сможет приехать: какие-то важные дела у него. Услышав в трубке расстроенный голос матери, пообещал заскочить на днях. Просил отложить ему кусочек индейки. Торопливо добавил напоследок: «Sorry, mom. Love you», — и повесил трубку.

И всё-таки Дина накрыла в гостиной стол для мужа. Достала дорогие бокалы, поставила незажженные свечи, отмахнувшись от воспоминаний о неудачном ужине со свечами в самом начале их семейной жизни. Зажгла огоньки на ёлке. Долго думала, что надеть. И наконец решила обновить купленное когда-то вечернее платье и лаковые туфли: ей очень хотелось праздника.

Муж спустился к ужину в своей обычной домашней одежде — в спортивных штанах, вязаной кофте и тапочках. Он посмотрел на жену удивленно-одобрительно, чмокнул в щеку,

сел за стол, открыл вино, налил себе и Дине. Поднял бокал:

— Merry Christmas!

Выпили по глотку. Отрезали по куску индейки, съели по ложке салата.

Через некоторое время муж сказал:

— Thank you, honey. Everything was delicious, — и ушёл к себе.

Дина осталась одна. После ужина она вернулась на кухню и принялась за уборку. Подумала: а свечи опять не пригодились — так и не зажгли их. Видно, не судьба ей устроить хоть раз в жизни романтический ужин.

Не спеша перекладывая еду в контейнеры, убирая их в холодильник, стружая посуду в машину, пряча дорогие бокалы обратно в буфет, убирая нарядную, специально купленную скатерть с рождественским красно-зелёным узором, она думала, что семья её расплывётся, как непрочная ткань. А как закрыть эту прореху, она не знает.

Из того, о чем Дина мечтала когда-то, у неё только вот этот дом и розы, ждущие весны в заснеженном дворе. Ну что ж, наверное, это не так уж и мало. У многих и этого нет.

11

Вскоре после праздников в один из вечеров муж постучался к Дине в спальню (он всегда стучал, прежде чем войти) и пригласил в гостиную для важного разговора.

Усевшись в кресло, он с некоторой торжественностью сообщил ей, что решил продать их дом. Аргументы его были, как всегда, разумны. Дом большой, он слишком велик для них двоих. Содержание его стоит дорого. Для убедительности были продемонстрированы расчеты, сделанные на листке бумаги. Действительно, получалось очень дорого: ипотека, налог на недвижимость, который непрерывно растёт, отопление зимой, охлаждение летом. Плюс мелкий, но постоянный ремонт, плюс уборщица, которая приходит каждые две недели, плюс уборка снега зимой и стрижка травы летом. В общем, заключил муж, рационально рассуждая, дом надо продавать. Хорошо бы выставить его на продажу к весне, чтобы захватить ежегодный весенний подъём цен на рынке недвижимости.

Но это ещё не всё. Муж сказал, что, по его мнению, им с Диной следует разойтись: ребёнок вырос, и больше ничто не держит их вместе. Он всё продумал: Дине он купит небольшую квартиру поближе к работе, а себе скромный, но уютный таунхаус — даже уже присмотрел кое-что.

Оказалось, деньги у мужа есть, к тому же после продажи дома и выплаты всех долгов останется очень приличная сумма. Ну, и родительский дом тоже кое-что принёс в его копилку. И хотя, согласно подписанному когда-то брачному договору, Дина не имела права практически ни на какие из этих денег, но муж, как человек приличный, пообещал, что ни с чем её не оставит: квартиру купит, поможет переехать, будет платить ей ежемесячно небольшую сумму, чтобы она чувствовала себя комфортно. И вообще, она может рассчитывать на его помощь, потому что он настоящий джентльмен.

Сам же он хотел бы прожить свои годы на пенсии рядом с неприхотливой и благодарной женщиной, которая будет за ним ухаживать в старости и понимать, как ей повезло. Он уже подобрал подходящую кандидатуру через агентство, и, хотя пока с ней не встречался, уверен: это то, что надо. Кандидатка в счастливицы живет в юго-восточной Азии, мечтает перебраться в Канаду и готова ради этого на очень многое. Муж даже показал Дине фотографию довольно милой молодой женщины с восточным разрезом глаз: миниатюрная брюнетка стояла на фоне пальмовой рощи и приветливо улыбалась.

В общем, сказал муж, дело за малым. Им оставалось готовить дом к продаже и одновременно собирать документы для развода, потому что на той азиатской малышке ему придётся сразу жениться, иначе её не впустят в Канаду.

Муж старался говорить сухо, подразумевая, что тут только бизнес и ничего личного, но, увидев Динино мертвое лицо, позволил себе небольшое объяснение. Он сказал: «У меня к тебе претензий нет. Ты была хорошей женой и матерью. Но я всегда чувствовал, что чего-то тебе недодаю. Хотя ты об этом не говорила, но я чувствовал. Чувствовал, что ты несчастна и что всё гораздо сложнее, чем кажется. Мы прожили вместе двадцать с лишним лет, а я

так до конца тебя и не понял. Вы, русские, любите всё усложнять. А мне этого не надо. В этом году мне исполняется шестьдесят пять, и я выхожу наконец на пенсию. Не хочу никаких сложностей. И не надо плакать. Ты ещё молодая женщина и, может быть, кого-то встретишь. Кстати, если у тебя появится женщина, моя финансовая помощь прекратится. По-моему, все вполне логично».

Когда он закончил, в комнате наступила тишина, слышно было лишь Динино тяжелое дыхание, словно ей не хватает воздуха.

Желая разрядить неловкую ситуацию, муж криво улыбнулся и потрепал её по волосам, как делал это на старте их совместной жизни. Впрочем, он быстро почувствовал всю нарочитую пошлость этого неуместного жеста и сунул руки в карманы домашней кофты. Наклонился к ней, сухо чмокнул в лоб: «Good night, honey», — и ушёл наверх в свою спальню.

Процесс продажи дома и переезд — всё прошло довольно гладко. Дина делала то, что положено: упаковывала вещи, подписывала картонные коробки, обсуждала с мужем, кому из них какая мебель достанется из их бывшего общего дома. В эти дни они разговаривали так много, как никогда до этого.

За несколько дней до окончательного отъезда из дома во дворе распустились Динины розы. Весна была на исходе, и сад благоухал, особенно по вечерам. Это было тяжело для Дины: именно с садом расставалась она тяжелее всего. Хотя и прощаться с домом было непросто. Рушилась её американская мечта... точнее, канадская. Какая разница!

Дом на зелёной лужайке уходил в прошлое. Растворялся в воздухе, как иллюзия.

12

Квартирку ей подобрали довольно уютную, «односальную», или, как более привычно русскому уху, двухкомнатную. Район, правда, не лучший, с весьма экзотическими соседями. И дом напротив стоял слишком близко, так что вечером можно было разглядеть, как за чужими окнами ходили чужие люди, жившие по абсолютно чужим обычаям. Например, в

первый же вечер Дина разглядела за окнами напротив мужчину в чалме и с окладистой чёрной бородой. Занавесок в большинстве окон почему-то не было.

Зато обошлась квартира совсем не дорого. Купили её на имя мужа, что было справедливо, ведь деньги-то его. Но при этом составили договор, по которому Дина имела право жить в той квартире так долго, как захочет на правах квартиросъёмщика. Платить она должна была немного, только чтобы покрыть расходы на содержание. В общем, муж, как человек великодушный, сказал, что она может считать эту квартиру своей. Почти. И никто её никогда отсюда не выселит. И разрешил обращаться к нему, если будут проблемы.

Каждый день, возвращаясь с работы и проходя по длинному коридору от лифта к квартире, Дина старалась не вдыхать воздух, наполненный пряными запахами чужеземной пищи. Это было довольно трудно, но она не роптала.

Канада — страна эмигрантов. Люди, приехавшие из самых разных уголков земли, имели точно такое же право жить здесь и готовить свою еду, как и сама Дина.

Теперь, когда она осталась одна, жизнь её стала совсем простой. Утро — машина — серая улица — работа — машина — иногда продуктовый магазин — подземный паркинг — лифт — длинный коридор — квартира. Простой ужин — йогурт, каша, сосиска или яичница (какая разница?) — компьютер.

В компьютере и заключалась теперь её настоящая жизнь. Дина полюбила длинные зимние вечера, когда за окнами темно, а она в тёплом свитере и вязаных носках сидит на диване с ноутбуком на коленях и переносится в дальние края, а чаще всего — в родной Ленинград. И не было ей никакого дела ни до надоевшей работы, ни до чужой страны, так и не ставшей для неё своей, ни даже до слишком близких окон соседнего дома — в них Дина наблюдала осколки чужих жизней, которые ей не суждено понять.

Переписка с ленинградской подругой Иркочкой стала постоянной. И наконец она прислала Дине фотографию всей своей семьи. Как только та увидела людей на снимке, поняла, почему подруга тянула: рядом со всё такой же дерзкой и отчаянно кудрявой Иркочкой стоял повзрослевший,

чуть постаревший, пополневший, но по-прежнему симпатичный Алёша — Динина первая любовь. Ещё на фотографии была милая девушка, светловолосая и кудрявая, как мать, и темноглазая, как отец, — дочка. Сфотографировались они на набережной, на фоне реки и пробегающего по ней кораблика. Наверное, что-то их ужасно рассмешило, потому что все трое хохотали, и было видно, что они очень близки друг другу. Стояли обнявшись, а вокруг весна и город сияет после зимней спячки, а впереди — лето и длинная жизнь.

В первый момент Дина почувствовала, что сердце ухнуло где-то в районе горла, потом оно вернулось на место, и тут же ее пронзила мысль, что ничего уже нельзя изменить, что каждый выбрал свой путь и на этой дороге нет разворота.

Словно что-то почувствовав, Ирка написала: «Дина, прости, долго не присылала фотографию. Всё никак не могли собраться вместе, чтобы сфотографироваться. Знаешь, один туда бежит, другой — сюда. А вечером, когда встречаемся, все уже никакие. Но тут был такой хороший день. Вышли все вместе прогуляться в центр. Хотела тебя порадовать видом любимых мест. Ну как мы тебе? По-моему, ещё очень даже ничего. Ещё есть силы взбрыкнуть, когда ты приедешь». И после паузы: «Ты чего замолчала, Динка? Что-то не так?» Дина ответила: «Всё хорошо. Ужасно за вас рада». А сама подумала, что всё у неё плохо. И даже очень плохо.

Дальше думать не стала. Надо было ложиться спать. Завтра на работу.

13

В один из вечеров Дине позвонил сын, неожиданно попросился в гости. В этой новой квартире он навещал её впервые. Он ведь здесь, по сути, не был, если не считать дня переезда, когда помогал таскать коробки, но тогда, закончив, сразу исчез.

Когда сын вошёл, Дина даже испугалась: таким печальным и каким-то больным он выглядел. Светлый нимб волос превратился в отросший хвостик неопределённого цвета, некогда веселые глаза смотрели печально. Исхудавший до прозрачности сын прошёл в комнату и сел

на диван так, словно прошёл много километров и смертельно устал.

— Что с тобой, сынок? Ты голоден? Садись, я тебя накормлю. Яичницу будешь? — засуетилась взволнованная мать.

Несколько лет назад сын всё-таки решил получить профессию, которая может кормить в Канаде. Попросил у отца денег на учебу, обещал вернуть при первой возможности. Тогда он поступил в колледж, где через «не могу» начал учиться и всё-таки получил диплом дизайнера. Так сын стал заниматься дизайном на компьютере, и дело у него пошло, несмотря на огромную конкуренцию. Видимо, был в нем талант и хватка. После относительно недолгого поиска работы сын устроился в небольшую компанию, где зарабатывал достаточно, чтобы прокормить себя и оплачивать пополам с приятелем съёмную квартиру. В офис он ходил редко, в основном работал дома.

Это всё, что Дина знала о собственном сыне. Дальше этого он её не пускал, охраняя своё «privacy» — так, как его учили, как это было принято здесь, в Канаде.

В этот вечер, глядя на сына, Дина почувствовала, что сердце у неё сжимается от жалости. Он поел, попросил горячего чая. Потом они долго пили чай с печеньем и джемом, а сын вдруг сказал:

— Какой красивый чайник! Я никогда его не видел.

— Ну что ты, сынок! Это же бабушкин, из Петербурга... Я привезла его с собой, когда вышла замуж за твоего отца, — ответила Дина.

— Надо же! — сказал сын. — А я его не помню. Очень красивый. Красный и золотой. Весёлый. Mam, прости, я знаю, что ты меня о многом хочешь спросить. Не сейчас, ладно? Я теперь буду к тебе приходить... часто. Можно?

Дина чуть не заплакала от радостного удивления:

— Конечно, сынок. Приходи хоть каждый день. Это твой дом. Я буду ждать тебя всегда.

После того вечера он стал бывать у матери всё чаще. Говорили о работе, погоде, о всяких пустяках... И однажды сын наконец заговорил о том, что волновало и мучило Дину давно.

— ...Mam, я знаю, о чем ты всё время дума-

ешь... О том глупом параде. Я тебя видел. Это не важно. Мама, я на самом деле не такой. Это была глупость. Всё началось еще в школе. У нас это было как бы модно... понимаешь? Приходили к нам такие ребята, звали в свой клуб. Хотел потусоваться с весёлой компанией. Мне там работу пообещали, рекламу на телевидении. И вообще, карнавал был.... Потом оказалось, что не просто карнавал. В общем, ушёл я оттуда. Видел такое, что тебе знать не надо. Но ушёл. С тех пор я один. С работой всё хорошо складывается, но меня это не радует. Скучно. Прости, мам, что гружу тебя. Просто я все время один. Курю траву. Иногда от неё дурею. Сажу один дома и думаю, а не выпрыгнуть ли мне из окна? Потом о тебе вспомню... и не прыгаю. Но иногда очень хочется. Прости. Наркотики? Да, было. Но с этим покончено. Хотя они кругом, везде... Ты даже не представляешь, как много наркоманов в нашем городе! Ну всё, давай не будем об этом. Можно я останусь у тебя сегодня?

После этого разговора у Дины появился по-настоящему родной и близкий человек, также и у сына. Мать и сын стали друзьями. Виделись они теперь часто. Иногда встречались в городе и пили вместе кофе. Болтали ни о чем и радовались. Сынок повеселел и вроде даже помолодел.

Однажды Дина пришла на встречу в кофточке с той памятной брошью — перламутровой голубкой с изумрудным глазом, которую привезла из Ленинграда. Сын обратил внимание на неё, сказал:

— Мам, какая красивая у тебя брошка.

— Это из России, сынок, — ответила расчувствовавшаяся Дина, — из моей юности...

Сын светло улыбнулся:

— Как много красивых вещей было в твоей юности! — и добавил: — Я бы хотел увидеть твой город.

14

Так прошло ещё полгода.

Однажды сын позвонил Дине и сообщил, что их компания обанкротилась и он остался без работы. Сказал также, что звонил отцу, чтобы попросить немного денег на оплату квартиры,

пока ищет новое место. Отец денег дал, но предупредил, что долго за него платить не собирается. «Так что, — на прощание добавил отец, — ты, сынок, шевелись и не рассчитывай, что кто-то будет помогать тебе вечно».

Сын уже несколько месяцев был в поиске нового места, но работа всё не находилась.

Дина совала ему деньги, отрывая от своей скудной зарплаты. Он брал, каждый раз повторяя, что обязательно вернёт. Она махала руками: не надо ничего возвращать. А в глубине души каждый день ждала от сына хоть каких-то хороших новостей.

И однажды он позвонил и предупредил, что завтра зайдёт, чтобы кое с кем познакомить мать. Сказал: «Она тебе понравится». Договорились на шесть часов.

А ночью он умер.

В пять утра Дине позвонил сосед ее сына, рассказал, что утром собирался на работу и увидел, что дверь его открыта. И очень уж в комнате было тихо. Сосед заглянул и увидел хозяина лежащим на застеленной кровати в странной позе, с раскинутыми руками и открытыми глазами, совершенно неподвижного, сразу вызвал полицию и вот позвонил ей. Погибший когда-то оставлял соседу материн телефон на всякий случай. Вот случай и наступил.

Пока Дина одевалась, с трудом попадая дрожащими руками в рукава, позвонили из больницы. Чужой голос сообщил ей, по какому адресу подъехать, чтобы уладить необходимые формальности.

После вскрытия причиной смерти назвали остановку сердца. Полицейский, который с Диной разговаривал, спросил, принимал ли сын наркотики. Сначала она сказала нет, потом, засомневавшись, обронила: «Да, но он бросил». Полицейский кивнул: «Это обычная смерть наркоманов. Сорри, мэм. Очень вам сочувствую. В моей семье случилось такое же горе. Дочь». Кивнув на прощание, полицейский ушёл к своей машине.

Потом были похороны. Дина их не запомнила. Запомнилась только позёмка, змеёй извивающаяся по серому асфальту, и ощущение абсурда происходящего, заполнившее всё её существо.

Был бывший муж с новой женой — той маленькой филиппинкой. Кажется, они и занимались организацией похорон. Дина видела всё как сквозь толщу воды, как будто она была на дне, а над ней двигались тени и раздавались какие-то звуки. Иногда к ней кто-то обращался, она беспомощно смотрела, как шевелятся чужие губы, кивала в ответ. Временами Дина силится понять, что происходит, кто с ней говорит, но бросала эти попытки.

Отец решил сына кремировать.

Крематорий оказался большим бетонным сараем с огромной печью в углу. Около неё на крючке висел какой-то чудовищный чёрный железный фартук и защитный шлем, как у пожарных.

Встретивший посетителя служитель крематория с приличествующим случаю скорбным выражением лица надел на себя этот фартук, каску и, распахнув широкую дверь печи, ловко вкатил туда гроб. Захлопнул её с грохотом. Повернувшись к провожающим, служитель любезно спросил, не хочет ли кто-нибудь нажать на красную кнопку. На его вопрос никто не ответил. Тогда он повторил его, обратившись лично к матери умершего.

Осознав, что ей предлагают, Дина с криком стала отступать назад, пока не уперлась спиной в шершавую серую стену. Она кричала, пока бывший муж не вывел её на улицу. Он хлопал её по спине, желая как-то успокоить. Постепенно разум возвращался к Дине.

Когда всё было кончено, бывший муж спросил, не хочет ли она поехать к ним, на что Дина, дико взглянув на него, изо всех сил замотала головой: нет, нет!

Тогда бывший муж вызвал такси, усаживая Дину, поинтересовался, есть ли у неё деньги. Она кивнула.

Очнувшись возле своего дома, когда машина встала. Дина расплатилась, плохо соображая, кое-как поблагодарила таксиста-индуса в чалме. Индус в ответ вроде улыбнулся, кивнув чалмой. Дина попыталась улыбнуться в ответ. Едва она вышла из машины, таксист сорвался с места и исчез за снегопадом.

По дороге от машины до тяжелой двери подъезда вдруг подумала, что зима кончается и скоро наступит весна. Увидела одинокого голубя,

что-то отыскавшего в снегу. Сказала себе: «Март. Мой сын ушёл в марте. Первый весенний месяц. Зачем мне эта весна?»

Как вошла в подъезд, вызвала лифт, поднималась на свой этаж — всего этого Дина не помнила. Очнувшись она в длинном коридоре от невыносимого запаха индийской еды.

Наконец Дина вошла в свою квартиру, заперла за собой дверь. Сбросив куртку, негнушима пальцами расшнуровала ботинки, прошла в носках к дивану, забралась с ногами, закуталась в плед и застыла. Дина смотрела в чёрный экран телевизора и не думала ни о чём. Очнувшись, почувствовав голод, к тому времени в комнате стемнело. Подумала, что сын её любил пить чай с вишневым пирогом, который она пекла к его приходу. Больше он не будет пить с ней чай. И вишневый пирог он тоже есть не будет. И ничего никогда он больше не сделает, не захочет, не попросит...

Дина вскипятила воду, достала красно-золотой чайник, засыпала заварку, залила крутым кипятком. Затем она долго пила сладкий чай и гладила золотой бок чайника — грела о него ладони и даже разговаривала с ним. Он ведь так нравился сыну. Алексею. Алёше. Она так и не успела сказать ему, что по-настоящему его зовут Алёша — в честь того мальчика, которого она любила в детстве. Всё собиралась сказать, да так и не сказала. Теперь уже не скажет.

Дина поняла, что, если сию минуту не поговорит с кем-нибудь, умрет или сойдёт с ума. Позвонила Ирке. Несмотря на восьмичасовую разницу во времени, а значит, раннее утро в Питере, Ирка сразу взяла трубку. Дина глухо сказала: «Умер мой сын. Алёша». Ирка ахнула за океаном, закричала, заговорила. Слышно было не очень хорошо, и Дина не разбирала половины слов. Но это было и неважно. Главное — есть на свете человек, с кем она может поговорить, когда молчать нет сил. Она молча слушала, иногда выдавливая из себя «да», «нет», «спасибо».

Наконец Дина попрощалась с Ирккой. Пошла в ванную, включила воду, чтобы почистить зубы и умыться. Подумала: «А мой мальчик больше никогда не будет чистить зубы. И умываться не будет. Ему теперь это не надо».

В груди словно вырос огромный холодный

ком, который мешал дышать. Если бы можно было поплакать, наверное, он размягчился бы и дал вздохнуть, но плакать у Дины не получалось, а ком всё рос.

«Скоро я умру», — подумала она и обрадовалась этой мысли. Затем легла в кровать, брошь — голубку свою — положила на тумбочку рядом. Сыну нравилась эта вещица. Прежде чем погасить свет, Дина подержала её в ладони, погладила по отполированной спинке, заглянула в изумрудный глаз: он был темный и тусклый.

Наконец, протянув руку, повернула выключатель на лампе — темнота упала на неё тяжёлым одеялом. Темнота — спасение. Вот если бы ещё луна не светила в окно. Ну, ничего. Луна скоро уйдёт. Всё уйдёт. Все уйдём. А сейчас надо спать. Завтра на работу.

Дине казалось, что и её жизнь кончилась, ничего в ней больше не будет. «Интересно, в загробном мире есть события? — проваливаясь в сон, размышляла она. — Вряд ли. Теперь я буду жить в загробном мире. И это навсегда. Скорее бы это «навсегда» кончилось. Тогда я, наверное, увижу моего мальчика, — вдруг память воскресила в её голове слова: — Отче наш, Иже еси на небесех...» — и молитва оборвалась: сон накрыл Дину, на время стерев все мысли и чувства, ей привиделась старинная мамина иконка.

15

Разбудила Дину чья-то ладонь, легонько коснувшаяся её щеки. Потом она, прохладная и душистая, легла на Динин лоб. Запахло свежестью и цветами. Ландыш? Лилии?..

Дина встрепенулась в постели, но тихий голос сказал: «Не бойся. Я твой ангел». Она не могла разобрать, то был голос женский или мужской, хотя он был так близко... А может, внутри неё?.. Прохладные пальцы скользнули по ее лицу и коснулись глаз, вытирая сочащиеся из-под век слёзы. А голос звучал: «Решено дать тебе ещё один шанс. Почему — не спрашивай. Смотри не упусти его. Эта попытка будет последней. Не сопротивляйся. Просто делай так, как чувствуешь. Окрести сына. И достань мамину икону. Она в левом ящике комода. Молись. Благодарите. И помни: это последняя попытка. А сейчас спи».

Легкие пальцы ещё раз коснулись Динино лба, и боль ушла. Глубокий сон поглотил ее, словно укутав пуховым одеялом.

Проснулась Дина со странным чувством не-реальности случившегося. Что это было? Вчера она похоронила единственного сына. Это было. А почему так спокойно на душе? Кинулась к комоду, рывком открыла левый ящик. Там лежит всякая ерунда, старая губная помада, щетка для волос, какие-то лоскутки. Сунула руку под пеструю ткань и сразу же нашупала то, что искала, — икону. Достала. Всмотрелась в лик Богородицы, окружённый потемневшим золотым нимбом, в глаза младенца, прижавшегося щекой к щеке матери. В Дининой душе поднялась горячая волна, и опять на глазах выступили слёзы. Она поцеловала икону и почувствовала, что целует не холодный кусок дерева, а тёплую человеческую щеку. Аккуратно поставила икону на комод, неловко перекрестилась.

Дина прошла на кухню и стала искать там молоток и гвоздь. Решила: «Надо повесить икону напротив кровати, чтобы видеть её, когда засыпаю и просыпаюсь».

И тут раздался телефонный звонок. Дина рванула к аппарату, мигом схватила трубку. Любимый и родной голос сына звенел от волнения:

— Мам, доброе утро! Я не разбудил? Ты сегодня вечером занята? Я хочу прийти. Не один. Хочу познакомить тебя кое с кем. Не возражаешь?

— Сынок, Алёша, как я могу возражать?! Приходи, конечно! Я буду дома в шесть. Нормально? Что ты хочешь на ужин?

— Мне без разницы, мам. У тебя всё вкусно. В общем, в шесть тридцать мы будем. Её зовут Ольга. Она тебе понравится. Целую, мам. До вечера!

Дина повесила трубку и тряхнула головой: «Что это было? А вчера что было? Мне всё приснилось? Со всеми ужасными подробностями?»

Она набрала номер бывшего мужа. Он ответил сонным голосом:

— Алё! Ты на часы смотрела? Ещё семи нет!

Смутившись, Дина лишь бросила ему:

— Доброе утро! — и повесила трубку.

Пусть думает, что хочет. Пусть все думают, что хотят. Дина чувствовала, что грядут изменения. Но какие именно — этого она ещё не знала. Одно ясно: что-то изменится непременно, потому что так больше жить нельзя, — надо лишь слушать и не пропустить главный шанс. Последний.

16

На работе в этот день всё сложилось удачно. Последний больной отменил визит, и доктор отпустил Дину пораньше. По дороге домой она заехала в русский магазин, накупила, не считая денег, дорогих деликатесов, решила даже на крошечную баночку чёрной икры. Ну и, конечно, всё необходимое для вишневого пирога.

Немного подумав, Дина заехала в винный и купила бутылку шампанского.

Дома с давно невиданной энергией принялась готовить праздничный ужин. Руки её летали, делая работу, по которой давно соскучились. Дина напевала, и ей казалось, что всё получается само собой, без всякого усилия.

Когда гвоздь программы — вишневый пирог — отправился в духовку, Дина присела передохнуть. Оглядела нарядно накрытый стол: он был прекрасен. В центре лоснилась румяными боками курица, её окружали салаты, тарелки с бужениной и семгой, рядом скромно поблесткивала драгоценная чёрная икра. Праздничные тарелки, хрустальные бокалы и бутылка шампанского делали картину завершённой.

Дина посмотрела на часы. Ахнула. Надо же переодеться! Вспомнила про купленные когда-то нарядные блузки и юбки. Дина потратила тогда на них целое состояние и ни разу не надела. Как-то повода не было. А сейчас оказалось, что без них никак.

Скорее! Где же они? Отыскала в дальнем углу шкафа, встряхнула. Погладить бы! Ладно, не успеть. Дина выбрала серую, под цвет глаз, шелковую блузку. Надела, взглянула в зеркало. Неплохо. Так, теперь чуть-чуть подкраситься. Как это делается? Сказала себе: «Стоп, не нервничать! Ты же женщина, включай интуицию». Так. Глаза, губы, чуть румян на щеки, провести щеткой по волосам. Посмотрела

на своё отражение. Хороша. И почти совсем молода. Не скажешь, что за сорок.

Алёша позвонил в дверь ровно в то время, как обещал. Первое, что увидела Дина на пороге, — огромный букет белых лилий, над ним — счастливые глаза сына. С Алёшей была тоненькая темноволосая девушка, на вид почти девочка.

Она протянула Дине руку:

— Ольга.

Рукопожатие оказалось неожиданно крепким. «Это хорошо, — подумала Дина, — значит, характер сильный. Нам такой и нужен».

Лилии тут же были поставлены в вазу, комната наполнилась волшебным ароматом, который напомнил Дине о событиях прошедшей ночи. Так пахла ладонь, утиравшая ей слёзы.

Сын сказал:

— Мам, я знаю, ты любишь запах ландышей, но ведь их здесь не продают. Эти цветы пахнут похоже. Тебе нравится?

Дина, счастливо улыбаясь, кивнула.

А Ольга обняла её и сказала:

— Вы очень красивая. Алёша часто говорит о вас.

— Как ты его назвала? — удивилась Дина.

— Алёша, — улыбнулась гостя. — Мне не нравится имя Алекс. Оно какое-то ненастоящее. Алёша — красивее. И ему, как мне кажется, очень подходит.

— Да, подходит, — мягко ответила Дина. — Ты права, Оля.

За столом сидели долго. Ели, хвалили угощения, смеялись. Выпили шампанского. А когда на столе появился вишневый пирог, вслед за ним и красно-золотой чайник, сын сказал:

— Мам, мне надо тебе сказать что-то важное. Мы с Олей решили пожениться. Не прямо сейчас, попозже. Но обязательно поженемся. И мы хотим уехать к Олиным родителям в Россию, в Петербург. Мне уже и работу там предложили. Оля учит меня русскому. Какой дурак я был, когда не хотел учить его в детстве. Прости меня. Но папа говорил, что он не нужен. А вот оказалось, что очень даже нужен, — всё это сын произнёс по-английски, а в конце добавил по-русски: — Я люблю тебя, мама! Пожелай мне счастья.

Дина не удержалась и поцеловала сына в светлую пушистую макушку.

Дальше всё покатило само собой, как когда-то катился разноцветный мяч по зелёной траве после лёгкого пинка детской Алёшиной ножкой.

Сын сказал, что хотел бы окреститься, что они уже обсудили это с Олей, но мамино одобрение и участие ему необходимы. И в принципе они уже договорились в русской церкви с отцом Владимиром, день уже назначен.

В тот счастливый вечер они засиделись до поздна. Всё говорили и никак не могли наговориться. Потом долго прощались. У Дины от событий кружилась голова, хотя в душе она уже ничему не удивлялась. Она знала, что всё будет так, как надо, то есть очень хорошо.

На следующий день доктор, у которого она работала, сказал ей, что он закрывает клинику и уходит на пенсию. Обещал выплатить Дине небольшое выходное пособие и посоветовал срочно подыскивать другую работу.

Но другую работу наискать не собиралась. Дина уже знала, как ей поступить дальше, и с трудом скрывала улыбку, прощаясь навсегда с крошечным коллективом, состоявшим из секретарши и курьера. Обняла каждого, пожелала поскорее найти другую работу, поблагодарила старого доктора. В последний раз выпив в их компании стаканчик кофе из соседнего кафе, Дина вылетела на улицу, где сияло солнце, а на деревьях громко переговаривались о чём-то своём несколько серых птиц.

Ветер колыхал деревья, покрытые полупрозрачной молодой зеленью, а птицы, покачиваясь вместе с ними, продолжали шумную беседу. Дине это показалось ужасно забавным, и она рассмеялась вслух. Проходящий мимо чем-то озабоченный человек вдруг улыбнулся ей. Она махнула ему в ответ, села в машину и тронулась.

Домой Дина ехала, не спуская улыбку с губ. И не было обычного дорожного напряжения и раздражения, когда кто-то её подрезал и пытался встроиться без очереди на поворот. Она улыбалась всем и пропускала особо нетерпеливых. В голове крутилось прочитанное когда-то: «Невидима и свободна!» Да, свободна! Дина посмотрела в небо и сказала: «Спасибо! Спасибо за всё!»

Дома открыла ноутбук. В соцсети ждало сообщение от Ирки, в котором говорилось, что Дину разыскивает двоюродная сестра. Была она намного старше Дины, они никогда не были близки и после смерти Дининого отца не общались. Ира рассказала, что после развода новой семьи у Дининой сестры не случилось, детей она не родила. Квартира родителей Дины хоть и досталась той родственнице, но жила она в основном на даче. И, как бы удивительно это ни звучало, она решила восстановить баланс и вернуть квартиру Дине. Так и сказала: «Куда мне одной всё это? А Диночка, может быть, захочет вернуться в свой дом». Ещё добавила: «Не по-божески это — наживаться на чужом несчастье».

Увидев, что подруга онлайн, Ира мигом позвонила ей. Ирка захлебывалась от волнения и торопилась, глотая слова.

— ...Динка, приезжай срочно! Пора тебе навестить родину. Татьяна просит тебя быть здесь как можно скорее, чтобы всё оформить. Когда ты можешь прилететь?

— Скоро, Ирка, очень скоро, — разволновалась и Дина. — Я прилечу навсегда. Мне только надо кое-что здесь закончить.

— Давай! — выпалила Ира. — Мы с Андреем встретим тебя. Ждём.

— С кем встретите? Кто такой Андрей? — озадачилась Дина.

— Как кто? Муж мой.

— А разве не Алёша твой муж?

— В каком смысле? — недоумевала Ирка. — Алёша — его брат. Ты что подумала? Что я за Алёшу замуж вышла? За твоего Алёшу? Ой, теперь я поняла, отчего ты так загрустила. Они действительно немного похожи. Андрей — его старший брат, на два года старше нас. В нашей школе учился. Ты его не помнишь разве?

— Кажется, вспоминаю, — проговорила Дина, вспоминая далекое прошлое. — Да, помню. Как хорошо, Ирка! А я тогда расстроилась. Понимала, что не имею права, а чуть не заплакала. Хотя... вру. На самом деле заплакала. А оно вон как! Ты прости меня за дурные мысли.

— Кстати, Алёшка узнал, что мы с тобой общаемся, и просил разрешения позвонить. Он не женат сейчас. Женился два раза, да развёл-

ся. Недавно сказал, что будет ждать тебя. Ты не против?

— Нет, Ирка, я не против, — искренне сказала Дина, не веря своим ушам. Добавила: — Совсем даже не против. Буду ждать его звонка.

— Ну, пока, Динка. Пойду спать. У нас ночь.

— Пока, Ирка. У нас ещё только вечер начинается. Спокойной тебе ночи!

Весь оставшийся вечер Дина тихонько напедала старые песни про Ленинград и улыбалась своим мыслям.

«...Слушай, Ленинград, я тебе спою...»

Голоса у Дины не было, слуха тоже, но это её совершенно не беспокоило. Пела для себя, рассматривая в интернете фотографии любимого города, и не верила, что скоро увидит его. Потом верила. Потом опять не верила. Уснула Дина только к утру.

17

Дальше был красивый и волнующий обряд крещения. Место крёстного занял приглашённый отцом Владимиром старик — сын белого офицера из первой русской эмиграции. Красивый седой высокий человек шуточно представился: «Дмитрий Сергеевич, сын штабс-капитана», — и поцеловал Дине руку.

Она смутилась. Последний раз ей целовали руку ещё до замужества, после выпускного, в ту белую ночь на берегу Невы.

Во время крещения, пока батюшка читал молитвы, вышло солнце и проникло в храм сквозь высокие цветные окна. И сразу загорелась золотом резьба иконостасов, глаза святых как будто ожили и смотрели на людей с любовью и сочувствием.

Когда Дмитрий Сергеевич надел на Алёшину шею серебряный крестик на шнурке, Дина совершенно успокоилась. Она знала: все идёт как надо. Всё будет очень хорошо.

На прощание Дмитрий Сергеевич наставлял их:

— Если можете, поезжайте домой, в Россию. Я всю жизнь мечтал, да так и не сподобился. Не получилось. Я ведь родился уже за границей, в Сербии. Нас много там было, русских. Осколки великой империи. И все мечтали когда-нибудь

вернуться. Теперь уже почти никого в живых не осталось. Не вернулся никто. Слишком сложно всё было. А вы возвращайтесь. Вон какой у вас мальчик хороший! — кивнул крёстный на Алёшу. — Совсем русский. А язык он выучит. Я за жизнь в нескольких странах пожил. И языков знаю несколько, да без акцента говорю только по-русски. Вот так получилось. Сколько нас, русских, по миру рассеяно! Пора возвращаться. Не тяните с этим. А я за вас с Алексеем молитесь буду. Вас как зовут? — Дмитрий Сергеевич внимательно глядел на Дину. — Простите старика, запомнил. Дина ведь? А в крещении как? Дарья? — Дина кивнула. — Красивое имя. Буду молиться за рабов Божьих Дарью и Алексея. С Божьей помощью всё уладится.

Расцеловались на прощание. Поцеловали батюшке руку, получили благословение и вышли на улицу под апрельское солнце.

Стояли втроём — Дина, Алеша и Ольга — и смотрели вслед русскому человеку, родившемуся в Сербии, жившему в разных странах и доживающему в Канаде. Старик, чуть сгорбившись, перешёл улицу, сел в старенькую «Тойоту» и, проезжая мимо, махнул им на прощание рукой. На губах его читалось: «С Богом!»

Прежде чем готовиться к отъезду, Дине предстоял разговор с мужем. С бывшим мужем.

Она набрала его номер, и сердце знакомо замерло от привычного страха. Все долгие годы жизни с ним она старалась угодить ему. И всегда исподволь ждала отказа в своих просьбах или хоть короткого, но нравоучения.

После развода она чувствовала себя свободнее, но каждый разговор с бывшим мужем давался ей с трудом. По сердцу пробегал знакомый холодок, а при звуке его голоса она непроизвольно наклоняла голову, словно признавая свою вину. В чем вина — не важно.

Но сейчас был особый случай. Дина наконец окончательно освобождалась от него. Убеждая себя, что этот человек больше над ней не властен, она вдохнула в легкие побольше воздуха и сказала:

- Я уезжаю. Освобождаю твою квартиру.
- Уезжаешь? Куда?
- Домой. В Россию.
- Ты сумасшедшая. Надолго?

— Навсегда. И сын уезжает. Вместе со своей девушкой. Она русская.

— С девушкой? Как интересно. А как же?..

Дина перебила:

— Всё совсем не так, как ты думаешь. Впрочем, он сам тебе расскажет... если захочет.

— Ну, ладно, — говорил Дине чужой голос. — Не буду вмешиваться в ваши дела. Предупреждала меня мама, чтобы не женился на русской. Вы все сумасшедшие. Счастья своего не понимаете. Вот вывез тебя в приличную страну, а ты не оценила. Всё ищите то, чего на свете не бывает.

— Бывает, — поправила его Дина. — На свете всё бывает. Прости, мне надо идти.

— Пока, — бывший муж равнодушно попрощался, добавил: — Дай знать, когда приехать за ключами. Бай.

Пестрый Динин мячик продолжал катиться изо дня в день.

Позвонил из Петербурга Алёша, и они разговаривали так, словно не прошло четверти века с их последней встречи.

— А помнишь?..

— Помню. И ещё вот это помнишь?..

— Помню. Всё помню. Скоро увидимся.

— Да. Уже скоро. Бог даст.

— Я жду тебя. Всегда ждал. Теперь дождусь точно.

Через несколько дней Дине позвонил муж. Бывший.

Сказал неожиданное:

— Привет. Я тут посчитал. Ты мне сэкономишь кучу денег. Квартиру эту я сдам. Каждый месяц она будет приносить мне пару тысяч или больше. В общем, я решил дать тебе немного денег. Всё-таки не чужие люди. Надо же будет вам на что-нибудь жить, пока не устроитесь в России. Тысяч двадцать дам. Будем считать, что взаимы. Если сможешь, когда-нибудь вернёшь. Без процентов. Если сможешь. А впрочем, не надо, не возвращай. Это мой вам подарок. Выходное пособие, — усмехнулся и продолжил строго: — Но запомни: больше я вам ничего не должен. Если вздумаешь вернуться, ко мне не обращайся.

— Спасибо тебе, — поблагодарила Дина иск-

рэнне. — Это щедро. Больше никогда ничего у тебя не попрошу. Обещаю.

Довольный собой, бывший муж повесил трубку.

Чудесным образом были улажены формальности с Дининым паспортом и визой для сына. Решили, что Дина приедет первой, а через пару недель — сын с Ольгой.

Вот уже и билет на самолёт для Дины куплен на конец июня.

«Ещё успею застать белые ночи», — предвкусывала она, окрыленная, и молилась, заглушая тревогу. Легко сказать, а у неё второй раз кардинально меняется жизнь!

Наступил день отъезда. Последний раз оглядев квартиру, которая за несколько лет так и не стала ей домом, Дина легко попрощалась с ней. Мебель остаётся мужу как компенсация за недополученную прибыль. Старенькая машина тоже. Порадовалась, что не пришлось возиться со всем этим скарбом, теперь совсем не нужным. Последний раз Дина заперла за собой дверь. Ключ оставила консьержу.

Она вышла к ожидающему её такси, чтобы по дороге в аэропорт в последний раз проехать по городу, в котором прожила без малого четверть века и который так и не смогла полюбить.

Таксист-индус оказался любителем поговорить. Сначала жаловался, что заработок невелик, дело могло бы идти лучше, потом спросил у Дины, куда она летит.

Та ответила: «Домой. Прожила тут полжизни, а теперь лечу домой. Навсегда».

Ей доставляло удовольствие произносить эти слова, повторять их снова и снова. Неожиданно индус признался, что тоже собирается домой, в Индию, хотя прожил в Канаде пару десятков лет, добавил: «Дети, наверное, останутся здесь, а мы с женой решили вернуться. Так и не привыкли к Канаде. Хотим в старости жить на родине. Денег подкопили, дом здесь продадим, а там купим».

Остаток дороги таксист рассказывал, как хорошо они с женой будут жить в прекрасной Индии, как там тепло и красиво, какие там чудесные люди и как он не может дождаться счастливого момента, когда ступит на родную землю.

Таксист болтал, а Дина в последний раз смотрела на серо-коричневые дома, на безликие улицы, на редких прохожих, идущих куда-то по делам. Вдруг обратила внимание, что люди идут в основном поодиночке.

«Прощай, город одиноких людей. Оставайся без меня. Мы так и остались чужими друг другу. Как хорошо, что наконец расстаёмся», — с удовлетворением думала Дина.

Дальше был самолёт.

Только взлетели, и Дина с облегчением уснула. Проснулась, чтобы съесть едва теплую курицу с рисом из пластмассовой прямоугольной коробки, запить её чем-то вроде кофе и уснуть опять.

Дина чувствовала, что во сне из неё уходит смертельная усталость, как будто она долго делала невыносимо тяжелую работу и вот наконец можно отдохнуть.

Разбудила её соседка, крупная блондинка лет шестидесяти, которая пыталась по-русски попросить стюардессу принести чаю. Стюардесса улыбалась и не понимала. Тогда Дина перевела просьбу на английский, чем вызвала огромную благодарность соседки:

— Ой, как хорошо, что вы по-русски говорите! А я совсем замучилась с ними, — заворковала она. — Ничего сказать не могу. Вот, навещала дочку, лечу домой, в Сибирь. Знаете, не понравилось мне у них. Живут — света белого не видят. Всё деньги, деньги! А денег всё равно нет. Хотят дом купить, никак на первый взнос не соберут. Говорят, остальное банк даст. Я им говорю, куда же вы в такие долги влезаете? Ведь не выберетесь потом. Работают день и ночь. Зять в России был инженер, а там на заправке работает. Дочка продавцом в магазин устроилась. Устают. Каждый сам по себе, и ребёнок тоже. Уезжали, когда он маленький был. Теперь внуку десять лет. Русский забывать стал. Некогда им его воспитывать. Не знаю, что хорошего в этой жизни. Я им так и сказала: возвращайтесь-ка домой. У нас и квартира, и дача, и мы с дедом поможем, если что. Обещали подумать. Но я их уговорю. Нечего по чужим углам жить. Ничего в этом нет хорошего. Я три месяца у них прожила. Не нарадуюсь, что домой еду. Мой дед меня заждался. Небось, хо-

зьяйство запустил совсем. Мужики, они такие. Ничего без нас не могут...

Соседка всё продолжала говорить, а Дина опять задремала. И сквозь сон до неё долетали слова про деда, дачу, внука, дочку и всё время повторялось: «Домой... домой...»

Под этот разговор пролетели часы до посадки в одном из европейских аэропортов. Дальше были бесконечные коридоры, по которым катилась толпа и гремели колёсами чемоданы, потом пара часов на неудобной скамейке в ожидании рейса. Осталось ещё три часа — и дома.

Небо над Европой было облачным. Самолёт все время нырял во влажный туман, но, когда подлетали к Петербургу, облака куда-то делись, и Дина увидела город, о котором даже боялась помечтать все эти годы.

Самолёт сделал круг, огибая город, а она жадно смотрела в иллюминатор, пытаясь узнать улицы и тонкие голубые ниточки рек и каналов.

Брызнул золотом купол какой-то церкви. Самолёт снижался, сердце колотилось так, что, казалось, выскочит.

Вот лётное поле и здание аэропорта. Когда-то она отсюда улетала, думала, навсегда. А вот как оно получилось...

Самолёт наконец остановился. Открыли двери. Дина вскочила и первой бросилась к выходу. Она летела до будки, в которой красивая девушка в погонах внимательно рассмотрела ее паспорт, поставила в него штамп и сказала:

— Добро пожаловать домой!

Дина широко улыбнулась:

— Спасибо!

Потом в нетерпении стояла у конвейера в ожидании чемодана, он выехал из-за резиновой занавески первым. Она схватила его, не чувствуя тяжести, слегка запнулась, не рассчитав сил, но тут же чьи-то руки поддержали и её, и чемодан. Незнакомый парень, стоявший рядом, сказал:

— Осторожнее, так и упасть можно!

Дина с улыбкой опять сказала:

— Спасибо!

Второй раз за десять минут! В ее голове мелькнула мысль, что в Канаде вряд ли кто-то

осмелился бы дотронуться до неё, даже чтобы подстраховать на случай падения. За это с лёгкостью можно угодить под суд с обвинением в домогательствах.

Дина подумала: «Как хорошо, что политкорректность сюда не дошла!» Шершавое слово даже в мыслях позвучало, как будто пенопластом провели по тёрке.

Но вот она наконец буквально вылетела в зал прилёта и сразу увидела тех, о ком думала и по кому скучала так много лет. Лучшая и единственная подруга Ирка, её муж и Алексей! Все они улыбались, махали ей и кричали: «Дина, Дина!» Алексей прижимал к себе громадный букет алых роз. Они, как пламя, взвивались в его руках.

Ещё секунды — и Ирка обнимает Дину, потом — Алексей, она пытается разглядеть его, но букет все время находится между ними. Наконец удалось. Они смотрели друг на друга и говорили взглядами: «А ты совсем не изменилась, знаешь?» — «И ты совсем не изменился. Ну, может быть, чуть-чуть».

Потом все ехали на большой чёрной машине. За рулем — Ирин муж. Дина с Алексеем — сзади. Разговаривать было трудно. Они все смотрели друг на друга, узнавая и не узнавая. Она обнимала букет и иногда, не выдерживая пристального взгляда Алексея, прятала в розы лицо. Цветы упоительно пахли. Те несколько букетов, которые она получила за долгое сосуществование с мужем, не пахли совершенно.

Сейчас Дина вбирала в себя запахи города, реки, роз. Это было новое или хорошо забытое старое ощущение.

За окнами плыл Петербург, о котором Дина долгое время пыталась забыть, но который вернулся её себе, потому что она ему принадлежала. Хотя это было совсем не по пути, проехали через центр. Будто во сне, мелькали перед Диной мосты и набережные, золотой купол Исаакия, кони Клодта, золотая игла с корабликом на вершине, широкая сине-серая Нева и шпиль Петропавловки на острове. Наконец въехали в знакомый двор, остановились у подъезда.

Дина смотрела вокруг... Узнавала и не узнавала. На месте старой песочницы теперь стоит детская площадка с мудреными конструкциями, двор, прежде пустой, был заставлен доро-

гими машинами. Подняла глаза и сразу же нашла свои окна на третьем этаже. Окна, кажется, тоже изменились. Вместо старых деревянных рам отблескивающее на солнце стекло было окаймлено новым пластиком.

А дерево возле подъезда, которое они с родителями посадили тридцать лет назад и которое тогда было тоненьким прутиком, вымахало аж до пятого этажа. Теперь это был мощный тополь, внутри кроны которого залиристо ругались воробьи. «А воробьи, кажется, всё те же, — подумала Дина. — И старушки на скамейке как будто те же. Хотя, конечно, вряд ли. Слишком много лет прошло».

Шумная компания прошла мимо вечных старушек. Впереди — Ирка с ключом, за ней — Дина с букетом, замыкали компанию мужчины с сумками и чемоданом.

Пока ждали лифта, Дина увидела нацарапанную на старых дверях надпись: «Дина — дура». Это сделал когда-то влюблённый в неё соседский мальчишка за то, что она отказалась идти с ним в кино. Её тогда не пустила мама, а он обиделся. Потом хотел надпись убрать, царапал её ножом, но она все равно проступала. Так и осталось это свидетельство юношеской влюбленности. Было им тогда лет по двенадцать. А имя мальчика Дина напрочь забыла.

Подъехал лифт, старенькие двери раздвинулись и открыли вполне новую современную кабину.

Дина подумала: «На этих железных стенах ничего не нацарапаешь. Впрочем, это хорошо, наверное».

Ну вот, Ирка открыла дверь ключом, и Дина вошла в свой новый старый дом. Все было как при родителях. Стол, стулья, шкаф, кровать на своих местах, будто и не уезжала Дина вовсе.

Ирка быстро пробежалась по квартире, запахнула окна, за которыми зелёной стеной шелестели листья тополя, метнулась в кухню, там поставила на пол две сумки с продуктами, крикнула:

— Вот тебе на первые дни! С голоду не умрешь! Не дадим! — и заторопилась на выход. В коридоре скомандовала: — Всё, мальчики, дайте Динке отдохнуть! Ой, чуть не забыла! Вот сим-карта для телефона, я написала тебе твой номер на бумажке. А это — наши номера, завт-

ра созвонимся и будем решать, как жить. А сейчас отдохай, разбирай чемодан, ешь, спи, ни о чем не думай. И помни, ты дома. Ты больше не в гостях. Всё! Целуемся, отчаливаем. До завтра!

Оставшись одна, Дина походила по квартире. Трогала книги, статуэтки на полке. Вдыхала запах дома. Он не изменился. Открыла шкаф. Взяла постельное белье с той же полки, где оно лежало всегда. Постелила крахмальную простыню на свою кровать.

Потом достала с полки мамину любимую вазу голубого чешского стекла и поставила в неё розы. Цветы алым костром вспыхнули на белой скатерти.

Дина прошла в кухню, поставила чайник. Сразу нашла заварку. Она стояла всё в той же жестяной коробочке со слоником, которую она помнила с детства.

Зайдя в комнату, открыла чемодан. Достала из него красно-золотой мамин чайник, тщательно обёрнутый во много слоев одежды. Отметила про себя: «Долетел, не разбился».

Заварив чай, Дина долго сидела на кухне, отхлёбывая из папиной большой кружки. Потом, качаясь от усталости, доползла до своей спальни и рухнула в застеленную свежим бельем постель.

Но сразу встала. Вспомнила про иконку! Достала ее из сумки и поставила на свой старый

письменный стол, затем положила брошь-голубку на тумбочку рядом с кроватью. Посмотрела в зелёный глаз и погасила свет. Подумала: «Как же долго я сюда ехала! Не ехала... Возвращалась. Целых двадцать пять лет и ещё почти двадцать часов».

Дина знала, что теперь всё будет хорошо. Через две недели придет сын. Они будут вместе и ни в коем случае не пропадут, ведь теперь здесь дом. И в родном Петербурге они не одни. Даже если поначалу им придётся трудно, со временем всё сложится хорошо.

Засыпая, Дина пробормотала: «Спасибо, Господи!»

За окном качался её тополь, где-то курлыкали голуби, она наконец-то была дома.

Теперь всё стало правильно. Она еще успеет прожить свою жизнь.

Примечания

- ¹ Личное пространство.
- ² Как дела?
- ³ Отлично.
- ⁴ Хорошая погода.
- ⁵ Да, прекрасная погода.
- ⁶ Спасибо, дорогая.
- ⁷ Как всё прошло?

Елена ФРУМИНА-СИТНИКОВА

родилась в Москве.

Окончила ГИТИС.

Театровед.

Член Союза литераторов.

Печаталась в журнале «Театральная жизнь»,

в газетах «Советская культура», «Правда».

В начале 90-х гг. уехала на ПМЖ

в Израиль, позднее — в Канаду.

Занимается популяризацией русской культуры в Канаде.

В журнале «Север» публикуется впервые.

